

Елена
Мухоморова

Время
сопровождает
Камфли

Елена Михалкова

Время собирать камни

«Издательство АСТ»

2007

Михалкова Е. И.

Время собирать камни / Е. И. Михалкова — «Издательство АСТ», 2007

ISBN 978-5-699-25885-7

Думаешь, твоя жена робкая, покорная и всегда будет во всем тебя слушаться только потому, что ты крутой бизнесмен, а она – простая швея? Ты слишком плохо ее знаешь... Думаешь, что все знаешь о своем муже? Даже каким он был подростком? Немногим есть что скрывать о своем детстве, но, кажется, Виктор как раз из этих немногих... Думаешь, все плохое случается с другими и никогда не коснется тебя? Тогда почему кто-то жестоко убивает соседей и подбрасывает трупы к твоему крыльцу?.. Как и герои романа Елены Михалковой, мы часто бываем слишком уверены в том, в чем следовало бы сомневаться. Но как научиться видеть больше, чем тебе хотят показать?

ISBN 978-5-699-25885-7

© Михалкова Е. И., 2007

© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Время собирать камни	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Двадцать лет назад	20
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Время собирать камни

Дом разговаривал.

Вопросительно и тревожно скрипел половицами.

Шуршал чем-то на чердаке.

Скрипел дверью:

– Кто-о здесь?

И, тоном выше, закрываясь:

– Вы-ы?

Даже дождь, барабнящий по крыше этого дома, рассказывал не обыкновенную свою историю, одну и ту же, только на тысячи ладов повторяемую на других крышах, а неповторимую, особенную, каждый раз новую.

Даже рябина перед домом, при сильном ветре клонившаяся до окон, шелестела о чем-то непонятном, сообщая дому то, что он и сам уже знал.

Когда Тоня пыталась описать это мужу, Виктор только отмахивался от нее. Она и сама чувствовала, что получается неуклюже, вовсе не так, как она воспринимала происходящее вокруг нее, как если бы она рассказывала сон. Но это был не сон. Дом разговаривал.

Глава 1

Ну что ж, значит, все получилось. План начал работать.

Все готовилось столько лет... Никакая случайность не должна помешать. Впрочем, случайностей не будет. Во всяком случае, непредвиденных случайностей. А все остальное – в моих руках...

Мне хочется сжать их на твоём горле уже сейчас и с наслаждением слушать, как ты хрипишь, непонимающе глядя в моё лицо... Но нужно ждать. Просто убить – недостаточно. Нет, недостаточно. Должно получиться настоящее шоу.

Декорации готовы.

Очередь за актёрами.

Переезд состоялся в конце августа, в дождливый, ветреный день, совершенно осенний и сыкатный. Тоня упаковывала вещи одна – Виктор работал. Она заботливо обертывала углы шкафов, заворачивала в газеты ненужные сервизы, обкладывала тряпками свою швейную машинку. Хлопотала.

Вечером, придя с работы, Виктор оценил результат ее трудов, усмехнулся и потрепал жену по голове. Правда, трепать было не особенно удобно, потому что гладкая Тонина коса была заплетена туго, как ее учила еще бабушка, чтобы волосинки не выбивалось. «Сколько раз говорил! – с некоторым раздражением подумал Виктор. – Сделала бы себе нормальную причёску, современную... Вихры какие-нибудь, мелирование или что там модно. Нет, ходит с косой, как бабенка деревенская. Ладно, вода камень точит».

Разгрузились быстро. Грузчики бодро повыкидывали вещи из машины и уехали, обдав Виктора и Тоню на прощанье тучей выхлопных газов. По контрасту с чистым воздухом машинная вонь воспринималась особенно резко.

– Ну что, – усмехнулся Виктор, когда они прошли в сад, – теперь это все наше. Ты посмотри, красота какая! Я, когда еще маленький был, больше всего в деревне сад любил. Знал бы тогда, что он моим будет...

Он мечтательно вдохнул воздух, пропахший летом и яблоками. Наконец-то! Наконец-то они уехали из вонючей Москвы, полной людей, машин, битком набитой какими-то чурками, понаехавшими с просторов всей России... Черт возьми, в метро же ездить невозможно – везде нищета, грязь, крики. Ну да, шум мегаполиса, мать его! А здесь – тишина. Лес через триста метров от околицы. Виктор, когда совсем маленький был, боялся, что оттуда волки придут. Волки и в самом деле тогда еще были в лесу, правда, в деревню никогда не заходили. Все же не тайга, всего-то пятьдесят километров от столицы. Теперь многое, конечно, другим стало. Деревня чуть не в три раза выросла, да и дома появились такие... богатые дома, прямо скажем.

– Вить!

Виктор вздрогнул от голоса жены и, поискав ее глазами, обнаружил, что она стоит в огороде.

– Что?

– Иди-ка сюда, посмотри!

– Что там такое?

Виктор прошел между деревьями и оказался на заросшем поле.

– Ну, ты чего? – наклонился он к жене, сидевшей на корточках.

Тоня подняла на него глаза:

– Смотри, ужики!

Под ногами у нее, в густой траве, лежали, сплетясь, семь-восемь ужей, совсем небольших. На Тоню с Виктором они не обращали ни малейшего внимания.

– Хм, и в самом деле.

Виктор поддел клубок веточкой, и один из ужат недовольно зашипел.

– Ой, Вить, ты ему не мешай. Они так греются.

– А ты откуда знаешь, осведомленная ты моя?

Тоня взглянула на Виктора с усмешкой:

– Образованный ты мой, я ведь баба простая, деревенская. У нас ужей под каждым домом по десятку было. Вы-то люди городские, интеллигентные, в деревню на каникулы приезжали, а мы весь год там жили.

– Да ладно тебе... У вас вообще не деревня была, а пригород, если хочешь знать.

– Ну и что, что пригород? Дом-то нормальный, деревенский. Похуже, чем этот, но все-таки... Мы хоть всего три года так прожили, но ужей-то я насмотрелась на всю жизнь вперед.

– Хватит ностальгировать, – помолчав, сказал Виктор, – пошли вещи разбирать. Теперь нам твой неоценимый опыт ой как пригодится. То есть не нам, а тебе, конечно.

Тоня бросила последний взгляд на блестящий черный клубок и пошла к дому.

Вся следующая неделя прошла в хлопотах.

Дом казался огромным. Тоня никак не могла понять: всего четыре комнаты, ну, еще две на чердаке, заваленные всяким хламом, – откуда же берется ощущение большого пространства? Она раз за разом обходила дом, пытаясь привыкнуть к нему, но пока у нее не очень получалось.

Когда вещи разобрали, стало очевидно, что почти все им нужно покупать заново. Дело было не в том, что вещи повредили при переезде, нет. Просто полки, стулья, маленький столик, шкафчик, прекрасно вписывавшиеся в стиль их городской квартиры, здесь казались какими-то неуместными, неправильными, лишними, что ли... Конечно, все было расставлено по местам, но резало глаз.

– Вить, надо бы мебель новую подобрать, – попросила Тоня мужа.

– А старая что?

– А старая не подходит.

– Не выдумывай. К чему не подходит?

– К дому.

– К чему?

– К дому, – упрямо повторила Тоня. – Ему эта мебель не нравится.

– Слушай, дорогая моя, если бы ты была у меня дизайнером интерьеров, я бы еще с тобой согласился. Но ты у меня кто по образованию, любимая?

– Вить, ты же знаешь, зачем же спрашиваешь?

– Затем, чтобы ты ерундой не занималась. Мебель вполне нормальная. Правда, шкафчик пластиковый и правда не очень в кухне смотрится, тут я с тобой согласен, но все остальное вполне хорошо. Да ладно, Тонь, ты чего? – удивился он, заметив, что она отвернулась с расстроенным лицом. – Тебя настолько наши стулья не устраивают?

Она молча кивнула.

– Господи, ну так в субботу поедem в «Икею» и купим новые.

– Серьезно, Вить, поедem? – обрадованно глянула на мужа она.

– Да конечно, не расстраивайся ты из-за такой ерунды! Вот нашла проблему... Раз уж я тебя сюда вытащил, моя драгоценная супруга, – Виктор обнял ее за талию, – я хочу, чтобы тебе здесь было комфортно. Тебе комфортно?

Тоня кивнула, потеревшись об него щекой, и это не было такой уж неправдой. За неделю, проведенную один на один с домом, она начала привыкать к нему.

Два месяца назад, когда Виктор привез Тоню к большому яблоневому саду за забором, она даже не сразу увидела сам дом. У нее мелькнула мысль, что она чего-то не поняла, дома нет и придется только еще строиться. Эта мысль ее обрадовала, но уже в следующую секунду Виктор протягивал руку:

– Смотри, красота какая, правда?

Тогда она разглядела. За большими, раскидистыми, с корявыми старыми ветвями яблонями виднелся где-то далеко темный дом. Тропинка заросла, и им пришлось продираться между кустов черноплодки, чтобы подойти к нему. Когда Тоня наконец выбралась из зарослей, она остановилась, пораженная.

В подмосковном Одинцове, в котором Тонина семья прожила три года, она видела добротные дома, но этот превосходил их все. Вроде обычный пятиоконный дом, но весь украшенный резьбой. Наличники, конек на крыше, косяки вокруг двери, навес над крыльцом – на всем была резьба, мелкая и крупная, какие-то завитки, птицы, лошади, цветы... Даже потемневший от времени, дом был очень красивым. Все здесь делалось с любовью, подумала Тоня, и очень долго.

Виктор уселся на землю. Куплю, думал он, куплю, что бы она ни сказала. Неужели *это* может не понравиться?

– Ну как тебе? – нарочито равнодушно спросил он.

– Вить, у меня даже слов нет! – восхищенно воскликнула Тоня, и он обрадовался. – Я такой красоты еще никогда не видела. А сад какой изумительный!

– Да, яблокам почтальоновым вся деревня завидовала. Да и вообще дому – дядя Гриша все на совесть делал, – заметил Виктор. – Ну что, переезжаем?

И они переехали.

Тоня вставала рано. Ей нужно было приготовить завтрак, потому что Виктор терпеть не мог разогревать вчерашнюю кашу и вообще три дня подряд кашей на завтрак питаться не мог. Приходилось выдумывать что-нибудь вкусное, хоть и на скорую руку: вареники, оладьи, творожники. За время их недолгой еще совместной жизни он очень быстро привык к тому, что теперь Тоня гладит его рубашки, причем гораздо лучше, чем он сам, и очень возмущался, не обнаружив на вешалке свежевыглаженной сорочки.

Тоня с грустной улыбкой думала, что сама приучила его к этому.

Ну конечно, когда они поженились, ей, воспринимавшей саму себя как деревенскую девочку с простенькой профессией, нужно было соответствовать Виктору – такому представительному, такому образованному. Он был единственным ребенком в семье, в отличие от Тони, у матери которой росло еще четверо детей, и родители баловали умненького, красивого, не по годам развитого мальчика. Он и вырос – умным, красивым, смотрящим на большинство сверстников сверху вниз.

Когда они начали встречаться полтора года назад, Тоня долго не могла поверить в то, что этот престижный, как говорили их девчонки, парень провожает именно ее, а не какую-нибудь стильную, высокомерную красавицу, которая могла бы легко и небрежно захлопывать дверцу его «Ауди», выходя у своего подъезда. А у Тони никак не выходило легко и небрежно. Ее отец всю жизнь водил старенькую «пятерку», чиненную-перечиненную им самим, без всяких там сервисов, и дети знали: чтобы закрыть дверцу, нужно хлопнуть посильнее. Вот Тоня и привыкла с размаху впечатывать дверь так, чтобы дрожали стекла. Иногда она хлопала недостаточно сильно, и тогда отец сердился: «Ну что, совсем ослабела, что ли, машину закрыть не можешь?»

Когда она первый раз проделала такой номер с «Ауди» Виктора, тот изменился в лице. Тоня и сама поняла, что совершила ошибку: умная машина постаралась прикрыть дверцу как можно мягче, но куда уж ее силе против Тониной... Удар получился на славу. Потом Виктор

много раз объяснял, как именно нужно прикрывать – не хлопать, а просто отпускать ее нежненько, и дверца сама закроется, – но Тоня все-таки иногда забывалась. Объяснять же Виктору, что она не часто ездила в дорогих иномарках (и в дешевых, кстати, тоже), ей не хотелось. Она и так изо всех сил старалась ему соответствовать. А потом они поженились.

К браку Тоня подошла более чем ответственно. Она понимала, что ей сказочно, невозможно повезло: она вышла замуж не за оболтуса Ваську Степанова из их группы и не осталась сидеть в старых девах, как большинство девчонок из их ателье, оценивая каждого мужика, приходившего подшить брюки или заменить молнию, как возможного претендента на роль жениха. Нет, ее замужество было очень, очень удачным. И нужно было сделать все, чтобы оно оставалось таким же удачным на протяжении всей ее жизни. Тоня здраво оценивала свои шансы: соперничать с нежными, тонкими красавицами, словно позирующими для страниц журнала «Вог», она не могла. Блистать интеллектом и образованием – тоже. Нет, она, конечно, могла поддержать разговор, с удовольствием читала исторические романы и Бориса Акунина, но, когда друзья Виктора как-то завели при ней разговор об экзистенциальном у Камю, Тоня честно самой себе призналась, что совсем, совсем недотягивает. Зато заметила: за беседой приятели с удовольствием уговорили ее пирожки с ревенем, наготовленные впрок, на три дня вперед, и потом долго напрашивались к Виктору на чай, причем обязательно с Тониными пирогами. И вскоре Тонин план приобрел явственные очертания.

Впрочем, какой план? Не план, а так, стратегия на будущее. Она будет женой в изначальном смысле этого слова – хранительницей очага, создательницей уюта, хозяйкой дома, куда мужчину тянет после работы, как барсука в нору. Вот уж что у нее получится! Руки-то растут из нужного места, в быту она может все, начиная от стирки и заканчивая несложным ремонтом телевизора. Ее и сестру Машку с детства приучали вести хозяйство оба родителя, вменившие девочкам в обязанность гладить отцовские рубашки, готовить на всю семью, наводить чистоту, а еще работать на огороде, но требовавшие к тому же стараться хорошо выглядеть. За грязь под ногтями выставляли из-за стола, причем отец мог дать и ложкой по лбу. Сашку, Сережку и Алешку, как только у них стала появляться щетина на щеках, мама заставляла бриться каждый день, а когда у парней начались свидания с девочками, то и по вечерам.

– Вот ваш папа, когда ухаживал за мной, – мечтательно вспоминала мама, вытирая насухо грудь вилок и ложек, – брился по три раза на дню. А я все удивлялась: почему у него кожа такая гладкая? Господи, молодые же были, каких только глупостей не делали!

– Ма, если я буду по три раза в день по роже бритвой скрести, со мной ни одна девчонка встречаться не захочет, – ныл Лешка, самый младший из братьев. – Вся же физиономия в прыщах будет! Отцу хорошо, у него кожа, как у носорога, а мне что делать?

– Я те покажу носорога! – раздавался отцовский голос из ванной. – Нормальное у меня лицо было, как у всех. Делай, что мать говорит, понял?

И все они делали, что мать говорила. Теперь Тоня была благодарна обоим родителям: понимали, что девчонки не красавицы, а значит, должны чем-то другим брать. Ну вот она и берет. Салатики по вечерам, да не просто грудой на тарелке, а красиво, в салатничке, на листочке, политые оливковым маслом. Дома чистота, порядок, а муж о каких-то домашних заботах вообще думать не должен, у него других дел по горло. Ну и, конечно, когда Виктор просыпался утром, с кухни уже тянуло аппетитными ароматами, а сама Тоня, умытая и причесанная, кашеварила у плиты. Когда время в запасе имелось, сооружала на скорую руку какой-нибудь нехитрый пирожок типа шарлотки – Виктор любит сладкое, – а если разрешала вдруг себе поспать не до шести, а до полседьмого, то все же успевала хотя бы бутербродиков ему нарезать с собой на работу, чтобы второй завтрак был полноценным.

Но первая же неделя, проведенная в новом доме, сбила привычный режим.

На следующий после переезда день Тоня проснулась в девять. Протерла глаза, не обнаружив рядом с собой сопящего мужа, глянула на часы и ахнула.

– Вить, ты где? Витя!

– Да не кричи ты, тут я, тут.

Виктор появился в дверях в майке и джинсах, улыбнулся:

– Ну что, хорошо спится на свежем воздухе, а?

– Ой, как же я проспала, понять не могу... Ты подожди, я сейчас быстренько завтрак придумаю, у меня уже кабачки обжаренные есть в кастрюльке.

Потом, как обычно, она крутилась на кухне, а Виктор сидел у окна и смотрел на сад. Тоня дребезжала кастрюльками, шумела водой, удивлялась вслух, что так долго спала сегодня, а ему хотелось дернуть ее за длинную косу и сказать: да помолчи ты, сядь рядом, посмотри, какая красота за окном. Знали люди, что делали, когда ставили дом среди яблоневых деревьев. Оторвись ты от своих домашних хлопот, успеется это все, а то так всю жизнь возле плиты и протанцуешь.

– Тонь, – позвал он наконец, – иди-ка сюда.

– Вить, я не могу, заливку делаю для кабачков.

– Да черт с ними, с кабачками! Ты посиди со мной, посмотри.

– Вот завтрак приготовлю, и посмотрю.

Ай, фиг с тобой, махнул он рукой. Готовь свои кабачки.

– Что ты хотел мне показать? – спросила она после завтрака, вытирая посуду, как мама учила, насухо.

– Да ничего. Потом как-нибудь.

Теперь по утрам Тоня готовила себе крепкий чай с мятой, накладывала в чашку творог с вареньем и садилась завтракать не в кухне, а в главной комнате, которую они называли залом, единственную пока более-менее обустроенную из всех. У окна стоял небольшой столик, покрытый связанной Тоней скатертью с бахромой. Она садилась за него, пила чай и смотрела в окно. За окном были яблони. И яблоки. Десятки яблок висели на ветвях, лежали на траве, отсвечивали золотистым и красным среди листьев. Тоня не знала, что это за сорта, она даже не сорвала еще ни одного яблока. Ей просто нравилось смотреть.

Несколько дней подряд были дождливыми, и Виктор ворчал, возвращаясь с работы, но ей нравился утренний сад, весь в седых прозрачных каплях, который пах необыкновенно, когда она выходила на крыльцо, – мокрыми листьями, мокрыми деревьями, мокрой травой, мокрыми яблоками... Она начинала любить это место и, разбирая завалы на мансарде, улыбалась, представляя себе ребятишек, бегавших раньше по дому, и большую семью, обитавшую здесь. Виктор всех их знал. Интересно, что с ними случилось?

Глава 2

Александра Семеновна Тюркина, а по-простому тетя Шура, выбирала сыр. Может, взять «Костромской»? Хотя Юлька его не ест, она вообще привереда. Тогда этот, как его.... «Маасдам», вот. Его и Саша любит, и ребятишки, а Колька, наверное, брынзы своей привезет. Полкило хватит? Нет, лучше уж грамм восемьсот. Хотя дорого, конечно...

– Теть Шур! Теть Шур, че задумалась?

Тетя Шура оторвала взгляд от прилавка и перевела его на продавщицу Любку, стоявшую перед ней в белом халате и кокетливом кружевном чепчике на голове.

– Да сыр выбираю, Любаш. Какой посвежее-то?

– Ой, да все вроде ничего, а вообще я не знаю, я сыр-то не больно ем. Теть Шур, – понизила голос Любка, – слышь, почтальонов-то дом купили, говорят.

– Говорят, – неохотно согласилась тетя Шура.

– Так говорят, купил-то кто...

– Кто?

– Да Чернявский, Витька!

– Любаш, свешай-ка ты мне «Маасдаму» с полкило или поболе.

– Да ну вас с вашим сыром, тетя Шур. Че вы мне зубы-то заговариваете? Вправду, что ль, Витька купил?

– Не знаю я, – поморщилась тетя Шура. – Вроде бы и Витька. Только он у нас ни разу не появлялся, а женщина какая-то по огороду ходит.

– А, так то ж жена его, наверное, – приуныла Любка. – Слушай, тетя Шур, ты зайди хоть, познакомься по-соседски, а потом расскажешь.

– Да вот еще! – дернула женщина подбородком. – Мне, старухе, еще и в гости напрашиваться?! Надо будет, сами познакомятся.

– Ну тетя Шур! Может, и правда Витька! Любопытно же, смерть как!

– Тебе любопытно, вот ты и знакомься, – отрезала тетя Шура. – А если Витька, паршивец, неделю тут живет и ко мне не зашел, то я его бесстыжую рожу и видеть не хочу.

Забыв про сыр, тетя Шура развернулась и, прихрамывая, вышла из магазинчика. Раздраженно отмахиваясь от мух, она тяжело потопала к дому. «Ну, Витька, ну, негодник! Надо же – дом купил. И чей, почтальонов! Сашка с Колькой завтра приедут, не поверят. Неужто весь год будет тут жить? Или, может, только на лето? Женился... Надо и вправду зайти, хоть на жену его посмотреть...» – думала тетя Шура, забыв, что десять минут назад твердо решила с паршивцем Витькой и его женой никаких дел не иметь.

– Слышь, Юльк, – неохотно говорила три часа спустя тетя Шура, копаясь на морковной грядке, – послушай-ка сюда.

– Что, мам?

– Дом-то почтальонов знаешь кто купил?

– Кто?

– Да Витька.

– Какой Витька?

– Какой... Такой! Тот самый.

– Чернявский, что ли?!

– Чернявский, Чернявский...

– Ма, да ты что? – маленькая загорелая Юлька выпрямилась и воткнула лопату в грядку. – Так там же баба какая-то ходит!

– Баба... Значит, жена его или, может, любовница. Спрошу сегодня, как пойду.

– Ой, мам, я с тобой!

– Сиди, – осадил дочь тетя Шура. – Дом почитай как неделю куплен, а к нам с тобой Витька рыла не кажет, даром что соседи. Может, и не он вовсе, а однофамилец какой. Вечерком схожу, разведу. Да, Юляш, сбегай к Любке, я сыр купить забыла.

– Сбегаю, сбегаю, – закивала дочь, – заодно и конфеток Вальке с Васькой подкуплю.

– Балуете вы их, – проворчала тетя Шура. – Совсем от рук отбились, где хотят, там и колобродят.

Она вспомнила белые вихрастые головенки внучат, мордашки, усыпанные конопушками, и губы ее растянулись в улыбке.

Вечером Тоня возилась на кухне. Старенькая газовая плита была до жути грязная. Поверхность-то ее с конфорками она, конечно, на второй же день отмыла, а вот до духовки руки не доходили. А духовка должна быть отдраена, а то как же в ней готовить? Чем же ее так замызгали...

Проворные Тонины руки в перчатках оттирали противни, дверцу духовки, пол под плитой. Когда очередь дошла до ручек, в дверь постучали.

– Хозяева! Открывайте! Есть кто?

Тоня сняла перчатки и пошла к двери, крикнув на ходу:

– Иду, иду, одну секунду!

Интересно, кто это? Голос, похоже, старческий. Тоня распахнула дверь.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась она с пожилой женщиной, седые волосы которой были забраны в аккуратный пучок.

– Здравствуй, красавица, – несколько удивленно протянула тетя Шура. – Скажи, а хозяин-то дома?

– Нет, хозяин поздно вечером будет. Ой, да вы проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Только мы еще порядок навести не успели, уж извините. Всего пять дней как переехали.

Тетя Шура прошла в дом, оглядываясь по сторонам и пристально рассматривая вещи. Да, при прежних хозяевах, конечно, пошумнее тут было и погрязнее. А эта, с косой, чистоту навела, смотри-ка. Видать, не белоручка.

– Меня Антонина зовут, – обернулась к ней девушка, – можно просто Тоня.

– Ну а меня тетей Шурой зови, как все. А скажи-ка мне, Тоня: муж твой, Виктор, сам из нашей деревни?

– Да, конечно, – кивнула Тоня. – Мы потому здесь дом и купили, что у Вити все детские воспоминания с этим местом связаны. Ну, то есть не именно с домом, а вообще со всей деревней. У него и друзей много было, понимаете?

– Как не понимать, – усмехнулась гостья, – если с моими Юлькой, Сашкой и Колькой твой Витя годов, почитай, пятнадцать подряд каждое лето играл. Выросли вместе, на моих глазах, можно сказать. Что ж не заходит-то твой красавец, а?

– Тетя Шура, я не знаю, – смутилась Тоня. – Понимаете, он сейчас работает допоздна...

– Ладно, ладно, ты не оправдывайся, – махнула рукой старуха, – Витька пусть оправдывается. Ты скажи, как тебе здесь, нравится?

– Нравится, только непривычно, – призналась Тоня. – Ой, тетя Шура, – спохватилась она, – я ведь даже чаю вам не предложила!

– Предложи, предложи, милая моя, вот чайку-то я с удовольствием выпью. Я ведь тебе и варенье-то яблочное захватила.

– Спасибо, зачем же вы...

– Да ты не спасибо, варенье мое все Калиново лопают, даже и те, кто яблочное не особо уважает.

Пока Тоня расставляла на столе тонкие фарфоровые чашки, тетя Шура шелестела паке-тиком и наконец выставила на скатерть небольшую баночку, в которой светилось розоватое варенье. В прозрачном сиропе плавали маленькие, аккуратные золотистые дольки, и Тоне сразу же захотелось съесть всю банку.

– Красиво как! – восхищенно сказала она. – А вы мне потом рецепт дадите? Здесь ведь яблок уйма...

– Дам, дам, ты попробуй сначала. Вдруг не понравится? Хотя все мои его съедают быстро, зима начаться не успеет, а уж нет ни банки.

Вскипятив чайник, Тоня разлила по чашкам ароматный черный чай с травами, который Виктор покупал в каком-то маленьком московском магазинчике по невозможной цене. Правда, чай был действительно очень вкусным.

– Тетя Шура, – осторожно спросила Тоня, поставив чайник на середину стола, – а из друзей Виктора здесь кто-нибудь остался?

– Конечно, остался. Да хоть все мои. Юлька – та вообще со мной все лето живет, а Колька с Сашкой в отпуск да на выходные приезжают. Чего тут ехать-то? Час всего от Москвы.

– Это дети ваши?

– Ну да, я ж тебе говорю, они с Витькой пятнадцать лет подряд каждое лето не разлей вода были. Ну, в Москве-то, конечно, не больно пригласывали, потому как жили в разных концах. Хотя созванивались, конечно. А уж потом, когда постарше стали, Витьку-то твоего родители на лето стали в Болгарии всякие отправлять, да и еще куда подальше. А как дед с бабкой дом свой продали и к Татьяне с Андреем переехали, так и вовсе приезжать перестали. Да и чего: дом-то потом сгорел, на пепелище, что ли, ездить?

Старуха тяжело поднялась и вышла на крыльцо.

– Тетя Шура, – спросила последовавшая за ней Тоня, – скажите, а вон в том доме, сосед-нем, кто-нибудь живет?

– В Машкином-то? Да нет, заброшенный он. А жалко, дом хороший, добротный. Не чета этому, конечно, но тоже на совесть строили. Там, кстати, Андрюшка жил, тоже Витькин дружок хороший. У них тут вообще большая компания была. Ну да тебе обо всех Витька пускай рассказывает.

– Почему же там сейчас пусто? Случилось чего?

– Да как тебе сказать... – задумчиво протянула тетя Шура. – Пожалуй, что и случилось. Витя о том лучше моего знает, вот у него и поспрошай. Может, и мне потом что расскажешь, я старуха любопытная. А как варенье варить, я тебе потом напишу, как супруг твой в гости ко мне заглянет. Только из твоих яблок самого вкусного, какое должно быть, не получится.

– А из каких получится?

– А вон видишь, за оградой китайка растет? Старое такое дерево, все в мелких яблочках... Вот из них самое объедение и получается, даже моему варенью не чета. У меня ведь сорта другие, мельба там всякая, белый налив, антоновка, а китайки нету. Эх, хороши яблочки, хороши... Будь я помоложе, сиганула бы через ограду, и всех делов...

Старуха подмигнула Тоне, спустилась по скрипящему крыльцу и пошла к калитке.

– Ну, заходи, Антонина, – обернулась она от яблони. – Даст бог, надолго вы тут осядете, а жить-то по-соседски надо. Так мужу своему и скажи.

– Скажу. До свиданья, тетя Шура, за варенье спасибо.

Соседка махнула рукой и пошла по тропинке.

Тоня вернулась в дом, уселась за стол и допила остывший чай, заедая его вареньем. Какое же вкусное! Даже удивительно: из яблок – и такая вкуснятина. Все, надо Вите оставить. Странно, почему же он к этой бабушке ни разу не зашел? Вон она его как хорошо знает. Ведь с детьми ее дружил... Спрошу, решила Тоня. А вообще с соседями дружить надо. Вот она в субботу пирогов напечет и пойдет знакомиться...

Закрыв банку и убрав ее со стола, Тоня опять вышла на крыльцо. Ярко-алые яблочки на китайке в заброшенном саду словно светились в воздухе. Тоне вдруг захотелось набрать хотя бы корзинку этих яблочек, а потом по рецепту соседки сварить из них варенье, чтобы Виктору понравилось. Тетя Шура, наверное, его маленького угощала. Вот он удивится, когда жена ему точно такое же варенье приготовит! Да и срывать-то яблочки не придется, там наверняка падалицы можно целый мешок набрать.

Захватив из сарайчика пакет, Тоня подошла к дырке в заборе, которую заметила еще два дня назад, оглянулась и пролезла в соседний сад. Яблоня росла далеко от ограды, и Тоня осторожно пошла по высокой траве.

Участок был еще больше запущенный, чем их собственный. Начало быстро смеркаться, и она заторопилась: стемнеет, и никаких яблочек не найдешь, а забираться сюда завтра ей почему-то не хотелось. Да и сейчас зря она это затеяла... Подойдя к раскидистому дереву, Тоня наклонилась. Падалицы и в самом деле было очень много, но все больше попадались яблочки подгнившие, на варенье такие точно не годятся. Тоня начала обрывать плоды с дерева, но сразу почувствовала себя как-то нехорошо, словно чужое брала без спросу. Трава под яблонями была очень высокой, вдалеке, у самой дороги, темнел дом, и ей казалось, будто в траве кто-то шуршит. Может, здесь змеи есть? Ой, да бог с ними, с яблоками, своими обойдемся...

Тоня сорвала, придерживая ветку, последнее, самое большое яблочко с золотистым бочком, но оно скользнуло из ладони и упало в траву. Присев, она раздвинула травинки и пошарила по земле, но яблочко не находилось. Бог с ним, решила Тоня, подняла голову и, увидев перед собой чьи-то ноги, не сдержала вскрика.

– Ну что ж орать-то так сразу, а? Полдеревни переполошила! И нет бы по делу, а то ведь по своей же глупости.

Тоня безропотно выслушала отповедь, виновато глядя в сторону.

– Я просто испугалась, вы незаметно подкрались...

– Это бандиты подкрадываются, а я крадусь, как рысь, – совершенно серьезно заметил толстый лысоватый мужик простецкого вида в кепке а-ля Лужков. – И тем самым бандитам являю облик нашего правосудия.

Тоня взглянула на него. Издевается, что ли? Непонятно.

– Какого правосудия?

– Нашего, калиновского. Участковый я местный, чего ж тут непонятного? Звать меня Капица Степан Иванович, ну а для тебя просто Степан Иванович.

Тоня опять недоверчиво посмотрела на мужика, но вид у того был абсолютно серьезный.

– Ну а теперь, милая моя, объясняй-ка мне, чего тебе на чужой территории понадобилось. Злодейство замышляешь или из жадности залезла?

– Да я просто яблочек хотела нарвать, – обидевшись, сердито ответила Тоня. – Мне соседка сказала, что в доме никто не живет, вот я и решила... Можете меня арестовать, если хотите.

– Арестую, голубушка, непременно арестую, – проворковал участковый, – но только в другой раз. А пока отпускаю по причине деятельного твоего раскаяния и обещания задобрить меня в будущем банкой варенья. Тебе ведь Шурка, соседка твоя, насоветовала? Ну, так я и полагал. В общем, варенье принесишь.

– Так это ж взятка, товарищ участковый, – прищурилась Тоня.

– Ой, голубушка, какие ты слова-то страшные говоришь! – испугался Капица. – Хотя, если рассудить, то, конечно, взятка. А ты как хотела: в деревне жить и взятки не давать? Нет, милая, тут тебе не столица, где все по-честному, по закону, здесь с волками жить, по-волчьи – сама знаешь что. Да, взятка, взятка...

Вздыхая, он взял Тонию за руку и повел к дому.

– Ой, вы куда меня ведете? – забеспокоилась Тоня.

– Куда-куда? В дом старый. Сейчас насильничая тебя там, а труп под яблонькой и закопаю. Народу тут немного ходит, а яблочки знаешь какие потом расти начнут! И варенье славное будет...

Господи, да он сумасшедший! Никакой он не участковый, догадалась Тоня. Сейчас закричу, подумала она. Но не закричала. Мужик, крепко держа ее под локоть, провел мимо дома, толкнул незапертую калитку и вывел на улицу.

– Ну все, красавица, дорогу отсюда знаешь. Пакетик свой не забудь. – Он протянул Тоне пакет с яблоками, невесть как оказавшийся у него в руке.

– Спасибо, – растерянно сказала Тоня.

– Да всегда пожалуйста! – отозвался странный участковый. – Только учти, красавица, второй раз поймаю, уши надеру, вон как Вальке с Васькой. Ну, бывай.

Он повернулся и вразвалку зашагал к магазину.

– Да, что забыл-то я? – обернулся дядька к смотревшей ему вслед Тоне. – Как зовут-то тебя?

– Антонина.

– Антонина? Хорошее имя. Жалко только, Витьке твоему такие не нравятся.

Через две минуты он исчез в сумерках. Пораженная Тоня так и стояла с пакетом в руках. Господи, как он догадался, что Вите имя ее не нравится? Может, он и в самом деле сумасшедший? У тех, кажется, интуиция обостренная, как у зверей. Надо будет завтра у тети Шуры спросить... Но как же она испугалась!

Тоня пошла к своему дому, оглядываясь по сторонам. И что же Витя так долго не едет...

– Мам, рассказывай же! Ну мам!

Юлька только что не приплясывала вокруг тети Шуры. Та не торопясь стянула разношенные кеды и опустила на крыльцо.

– А что рассказывать-то? – проворчала она. – Виктор это, с женой своей.

– Поговорила ты с ней?

– Да поговорила, поговорила.

– Ну и как она? Мам, да чего из тебя все выжимать надо?

Тетя Шура покачала головой. Когда она увидела жену Виктора, то обомлела. Высокая, статная девушка с русой косой еще издали казалась ей красивой, но увидеть такое лицо она не ожидала. Ясные серые глаза под дугами густых бровей, нос прямой, губы резные... Господи прости, с нее ведь икону писать можно. Ну Витька, ну и жену нашел себе!

– Мам, да не молчи ты! – рассердилась Юлька. – Не хочешь рассказывать, так и скажи.

Тетя Шура глянула на дочь, мысленно сравнила ее с той. Вдохнула.

– Да хочу я, Юль, только не знаю, с чего начать. Растерялась я.

– Почему?

– Думала, фифу какую увижу в Викторových женах-то, а там красавица такая, что я аж обомлела. Да и не в том дело, что красавица, а в том, что не по Виктору она.

– Как так? Не понимаю.

– Да так. Не знаю как. Но только Витька другую себе жену должен был выбрать, я так полагала. Да и сейчас полагаю. Не пара она ему. Поглядела я на нее, послушала... Может, конечно, Витька наш сильно изменился, да только сомневаюсь я что-то. Ну как она за него замуж пошла, я понять еще могу. А вот как он на ней жениться вздумал? Витьке всякие финтифлюшки нравились, вроде Любки-продавщицы, – чернявенькие, вертлявенькие... Да чего я тебе рассказываю, ты лучше меня все знаешь.

Юлька только молча кивнула.

– Зайдет она к нам, сама посмотришь, – закончила тетя Шура и поднялась. – Ладно, пошли домой, холодно уже. Где паршивцы-то твои?

- Мам, да не паршивцы они!
 - Паршивцы, паршивцы, точно тебе говорю. Конфет купила?
 - Купила, – пробурчала Юлька.
 - Ну и молодец. Пойдем, Юляш, утро вечера мудренее. Не сиди ты тут, нечего душу бередить.
 - А я и не бережу.
 - Вот и правильно. Зови ребятишек, укладывай. О них думай, а все остальное – сор, полынь.
- Юлька промолчала. «Ой и горькая ж та полынь, – подумалось ей, – горчее некуда. Ладно хоть ты не знаешь...»

Глава 3

Виктор вернулся от тети Шуры, когда Тоня уже спала. Эх, елки, три часа уже, вот так заговорились... Он покачал головой, улыбаясь в темноте. Я-то ладно, а вот деревенские все рано спать ложатся, в десять не найдешь никого, так что завтра Юльке и тете Шуре тяжело встать будет. У меня-то выходной, а они без всяких выходных на огороде вкалывают. Ну ладно, там завтра Сашка с Колькой будут, они помогут...

Когда накануне вечером Тоня рассказала ему о визите соседки, он не задумываясь пошел к ней. Прощенья вымаливать, усмехнулся Виктор. Тетя Шура встретила его не сказать чтобы приветливо.

– Ты чего пожаловал, поганец? Все уж спать давно легли. Или совесть замучила?

Вот ехидная старуха, а! И всегда такой была, сколько он себя помнил.

– Замучила, тетя Шура, точно, – поклонился он. – Простите дурака, Христа ради!

– А сейчас-то чего приперся? До завтра подождать не мог?

– Не мог.

Виктор обаятельно улыбнулся, и тетя Шура не смогла не улыбнуться в ответ.

– Мам, кто там? – послышался заспанный Юлькин голос.

– Сосед наш, – проворчала тетя Шура и, обращаясь к Виктору, добавила: – погоди, оденется Юлька, в дом зайдешь, а то стоим на пороге....

Продержали его на пороге целых пятнадцать минут. Юлька красоту наводит, понимающе хмыкнул Виктор. Интересно посмотреть, наведет или нет?

Когда она наконец – причесанная, в какой-то красной кофте (видно, праздничной) – вышла на крыльцо, Виктор быстро подошел к ней, наклонился и поцеловал.

– Юлька, дай рассмотрю тебя хорошенько!

– Пусти, Витька, нечего меня рассматривать, – отбивалась она, смеясь, – страшненькая я стала.

– Красавица! – покачал он головой.

– Ну тебя...

Юлька даже покраснела.

– Пойдем, я тебе ребятишек своих покажу, – затараторила она. – Они, конечно, спать уже легли, но ради такого случая разбудим.

– Вот еще глупости придумала! – фыркнула тетя Шура. – Оставь их в покое, не настолько Витьке отпрыски твои интересны.

– Неправда, тетя Шура, я как раз очень посмотреть хочу, – покривил душой Виктор.

Смешно. Как была Юлька девчонкой, такой и осталась, даром что двоих детей родила. Маленькая, худенькая, волосики серенькие в разные стороны торчат, в общем, воробушек воробушком. Хоть наряжайся, хоть нет, простоту свою не скроешь. Интересно, Колька с Сашкой тоже дылдами корявыми остались или выправились?

Пока Юлька тормошила детей, он оглядывался. Ничего здесь не изменилось. Ну, разве телевизор стоит новый, хороший, должно быть, Колькой купленный, да занавески другие. А так все по-прежнему: дом деревенский, а обставлен, как квартира небогатая. Да что там небогатая! Как бедная, прямо скажем, квартира. Вот ведь ни вкуса, ни чутья у людей. Хотя откуда им взяться?

– Ну что, не нравится убранство-то наше?

Тетя Шура сидела напротив Виктора и пристально рассматривала его. Посмотрите, тетя Шура, посмотрите, усмехнулся он, пожалейте лишний раз, что Юльку против меня настраивали. Ну и где теперь ваша Юлька? Правильно, с вами живет, внучков ваших пытается поднимать. А когда в школу они идут осенью, не иначе как полы метет в той же школе или в магазине

по соседству. Может, конечно, у Кольки и Сашки дела лучше идут, да что-то не похоже, по дому судя.

– Мне у вас, тетя Шура, всегда нравилось, – ответил он, а про себя подумал: «Жил бы в таком доме, взвыл бы через пару месяцев».

– Нравилось, как же! Ты у нас мальчиком привередливым был.

– Каким я был, таким и остался, – отшутился Виктор.

– Валя, Вася, познакомьтесь с дядей Витей! – Радостная Юлька завела в комнату двоих заспанных ребятишек в одинаковых пижамках. В первую секунду Виктору показалось, что они близняшки, но потом он понял, что ошибся, просто очень уж похожи. Дети как дети, белобрысые, веснушчатые, на Юльку ни капли не похожи, вот только на Сашку немного. Они тарацились на позднего гостя мутными со сна глазенками, а Юлька что-то чирикала:

– Дядя Витя теперь наш сосед, так что яблоки больше из его сада не таскайте. Ясно вам? Дети синхронно кивнули.

– Ну все, а теперь спать давайте.

– Мам, можно мы еще посидим? – подал голос мальчишка.

– Я тебе дам посидим, живо в кровать! – вмешалась строгая бабушка, и дети беспрекордно развернулись и пошли к дверям. У порога они остановились, обернулись к Виктору.

– Спокойной ночи, – независимо кивнул мальчик. Девочка стояла молча.

– Валюша, а ты что же не прощаешься? – удивилась Юлька.

– А яблоки я у вас все равно таскать буду! – выпалила та, схватила брата за руку и убежала.

– Вот поганка, – покачала головой тетя Шура. – Вить, ты не обращай внимания, они маленькие еще.

– Да бог с вами, тетя Шура, – рассмеялся Виктор, – вы что? Им по сколько?

– Ваське двенадцать, Вальке одиннадцать. Ты рассказывай, как у тебя дела? Как же ты надумал дом почтальонов купить?

Вернувшись домой, Виктор походил по комнате. Колька, значит, водитель. С Сашкой тоже понятно, тот всегда не головой, а руками мог хорошо работать, в отличие от самого Виктора, а теперь двери какие-то устанавливает, замки врезают. Тетя Шура ими обоими, видно, гордится. Смешно.

Виктор подошел к окну, за которым деревья в темноте не были видны, а скорее угадывались. Отпуск бы взять, подумалось, домом заняться, да не до отпуска сейчас, пока стройка не закончится. Ладно, жить можно, а там видно будет. А Андрюхин дом разваливается – крыша осела, ставни все перекошены... Виктор еще утром разглядел и даже специально поближе подошел. Вспомнил: палисадник маленький был перед домом, так он весь травой какой-то желтой зарос. Уехали все. Жалко.

А вообще-то нет, не жалко. Сами виноваты. За глупость свою люди должны отвечать, он и в детстве так думал.

В деревне, помнится, мужичонка жил, по имени Евграф Владиленович, глупый, как пробка, к тому же выпивал крепко. Иначе как Графкой, словно собачонку, его никто в деревне и не звал. Вызвался тот как-то раз помогать бабушке Виктора морковь проредить – моркови в тот год она много посадила, одна не управлялась, а внука, понятно, не особенно нагружала. Договорились об оплате – конечно, водкой. Когда Виктор увидел, что Графка наделал, он ахнул: алкаш столько повывергал, что оставшиеся растеньица аж через десять сантиметров друг от друга из земли торчали. Дураку же понятно, что морковь теперь толстая расти будет, безобразная и невкусная. А мужичок оправдывался: я, говорит, хотел, чтобы морковка большая выросла. Ну да, вот и получилось на каждой грядке по десять морковин толщиной с репу.

Ох, Виктор и злился тогда! Видел же, как бабушка на тех грядках возилась (он же ей и помогал), как уже один раз аккуратно прореживала, поливала, рыхлила. И на тебе! Виктору тогда лет четырнадцать было, и он решил, что никакой водки Евграфу Владиленовичу не дожидаться. Но нет, бабушка, как договаривались, столько и отдала. Объяснила внуку: «Витенька, он ведь не со зла так сделал, а по глупости и еще ведь хотел как лучше. Что ж я обижать его буду?»

Не права была бабушка, нет, не права. Дураков учить надо, хоть добрых, хоть злых. Правильно сказано: иная простота хуже воровства. И с Андрюхиными родителями так же: сгруппили, вот и пострадали. Да и сам Андрюха тоже хорош был!

Виктор тряхнул головой, отгоняя ненужные воспоминания! Надо ложиться, подумал он, завтра же никакой буду, а работы по дому немерено. Разделся, залез к Тоне под одеяло, закрыл глаза.

Но сон не шел. А все Андрюха чертов: как Виктор вспомнил про него, про тетю Машу и дядю Андрея, так из головы и не выходит. Ладно, ерунда все это и лирика. Вот, точно, сам Андрюха всегда именно что лириком был. И романтиком. Затем и на гитаре научился играть, чтобы баллады идиотские бардовские петь. Романсы! Они с Колькой и Сашкой Цоя слушали, как все, а он – Александра Долина. И ведь еще и им пел!

Ну вот наконец-то дождливый сентябрь,
Ну вот наконец-то прохладная осень,
И тучи повисли косыми сетями,
И кончился месяц под номером восемь.

Под нежную мелодию песни, вертевшуюся в голове, Виктор уснул.

Двадцать лет назад

Андрей перебирал струны. Пальцы не слушались. Черт, уже мозоли, как положено, а барре до сих пор нормально взять не может!

Ну вот наконец-то дождливый сентябрь,
Ну вот наконец-то прохладная осень,
И тучи повисли косыми сетями,
И кончился месяц под номером восемь.

– Андрюшенька, – заглянула в комнату мама, – там ребятишки за тобой пришли.
– Мам, сама ты ребятишки! – возмутился он. – Мы уже вполне состоявшиеся, взрослые люди.

– Иди, вполне состоявшийся взрослый людь! – расхохоталась мать. – Да, в кухне на столе у окна корзинка со сливами стоит – захвати, угости своих.

– О, низкий поклон вам за это, маменька!

Андрей закружился в шутовском вальсе, подхватил мать, и вместе они сделали круг по комнате.

– Ну все, все, иди уже!

Мама ласковым жестом взъерошила ему волосы и подтолкнула к двери.

– Да, Андрей, – окликнула она его, когда он перекладывал золотистые ароматные сливы в пакет, – ты барре свое несчастное освоил?

– Нет пока.

– Не слышу!

– Нет, говорю! – заорал Андрей.

– А зачем так кричать? – удивилась мать, входя в кухню. – Господи, Андрюша, что ты делаешь, они же помнутся! Переложи обратно сейчас же! Ну-ка, дай сюда.

– Пусти, мам, не дам! – отбивался Андрей. – Что я, с корзинкой пойду, как дурак?

– И кто тут дурак? – раздался громкий бас. Дверь распахнулась, и вошел отец. – Андрей, тебя там ждут.

– Да знаю я! Вон, маменька задерживает, не дает уйти спокойно. Ну все, мам, перестань!

– Ладно, неблагодарный, – махнула рукой та, – иди с пакетом.

Андрей схватил пакет, чмокнул мать, откозырял отцу и выскочил за дверь. Из-за забора торчали четыре головы.

– Дрон, ну сколько можно! – прогудел Сашка. – Ты че, спал, что ли?

– Наш Дрон в очередной раз овладевал гитарой, – съязвил Витька. – Ну что, на этот раз взаимно?

– Иди ты! И сколько раз говорил, не называйте вы меня Дроном. Кличка какая-то собачья, а не имя!

Андрей закрыл калитку и обернулся к четверым парням, кутившим возле забора:

– Ну что, тронулись?

Через полтора часа они стояли на берегу Ветлиники. Лес в этом месте отступал от берега, и большая поляна вся заросла мелкими гвоздиками и ромашками. Прозрачная неширокая речка бурлила, кружила небольшие водовороты, изгибалась то влево, то вправо. Противоположный берег был выше, и из песчаного откоса торчали корни росших там сосен, кронами уходивших высоко в небо.

– Долго шли сегодня, – заметил Мишка, пожевывая стебелек ромашки.

– Это Андрюха виноват, прокопался все утро! – отозвался Колька, ходивший вместе с братом около самого берега по дну речушки. – Другой раз пускай дома сидит.

– Тогда без слив останетесь, будете лапу сосать. – Андрей стянул шорты и пошел к воде. – Кстати, а чего Сенька-то с Женькой не пошли? Женька же рвалась, как боевая лошадь в бой.

– Они с Юлькой решили в магазин сегодня смотаться, на великах, – сплюнул в сторону Сашка. – Мать из райцентра приехала, говорит, там шмотки какие-то офигительные выкинули. Ну ты баб знаешь, у них глаза, как у кота при запоре, и воют так же: «Нам надо, нам надо!» Мать им денег достала из заначки и отправила с утра пораньше. А на что следующий месяц жить будем – хрен его знает.

– Да ладно тебе, – высокий сутулый Колька наклонился и достал что-то из воды. – Юлька в дранье каком-то ходит, ей давно обновку купить пора. Чего она наши с тобой одежды донашивает?

Сашка не ответил, только махнул рукой. Андрей зашел в ледяную воду, поежился и стал ходить неподалеку от братьев, старательно ощупывая ногами песчаное дно.

– Так, с дамами все ясно, – заметил с берега Витька, картинно развалившийся на траве. – А где глубокоуважаемый Семен? Он тоже решил предпринять вояж с целью пополнения гардероба?

– Сенька с батей поехал, – ответил Мишка, срывая очередную ромашку. – Лекарств мамке прикупить. А то как бы батяня до пивнушки не добрался, ищи его потом по всем каналам!

Парни понимающе хмыкнули.

...О том, что большое почтальоново хозяйство держится исключительно на его жене и детях, знала вся деревня. Сам почтальон, дядя Гриша, после смерти своих родителей запил так, что даже выдавшие виды мужики ахнули. Мужик он был крепкий (оба сына с дочерью пошли в него), но водка и самогон быстро превратили работящего, хозяйственного мужика в алкоголика с трясущимися руками.

После того как у Григория второй раз случился приступ белой горячки, его жена и сыновья взяли дело в свои руки: сосед Семеныч видел, что мальчишки заводили почтальона в сарай, а следом за ними шла тетка Рая с какими-то банками в руках. Что они делали, осталось тайной, но несколько дней подряд деревня не слыхала песен почтальона Гришки, которые он с пьяным упорством распевал после каждой выпитой рюмки.

Через неделю дядя Гриша вышел из ворот. Семеныч, возившийся с засовом, глянул в его сторону и ахнул.

– Мать! – заорал он в сторону коровника. – Мать, ну-ка выдь немедленно!

Высочившая на его крик супруга намеревалась отчитать мужа за непочтительное обращение, да так и застыла.

Григорий с отрешенным лицом сидел на скамеечке около дома и смотрел на дорогу. На соседей он даже не взглянул. Глаза у него глубоко запали, казалось, он похудел килограммов на двадцать. Когда Семеныч подошел поздороваться, почтальон отвечал так тихо, что тому пришлось наклоняться, чтобы разобрать слова.

– Слышь, Гриш, ты чего это, а? – шепотом спросил Семеныч.

– А что? – поднял на него глаза почтальон.

– Да странный ты какой-то...

– Эй, Семеныч, ты давай-ка к Гришке не лезь!

Из ворот появилась тетка Рая с ведром в руке и подошла к скамейке.

– Не лезь, говорю, – повторила она, пристально глядя на соседа. – Не до тебя ему сейчас.

– Райк, а чего с ним?

– Да ничего. Болел долго, теперь вот выздоравливает. Ну, даст бог, поправится. Ты посиди, Гриш, погрейся, – обратилась она к мужу, который чуть повернул к ней голову. – А все дела твои Сенька с Мишкой сделают.

Через три дня после почтальон Григорий опять вышел на работу. Все дни, пока он отсиживался дома и на скамеечке возле палисадника, Сенька и Мишка по очереди разносили почту. Иногда им помогала младшая сестра, Женька, души не чаявшая в обоих братьях.

Григория видели пьяным еще один только раз. Поехав с утра один в райцентр, он пропал до ночи, и лишь стараниями тех же Сеньки с Мишкой его удалось найти в одной из забегаловок. Парни привезли пьяного отца домой, уложили в кровать, переглянулись и с тех пор никуда одного дальше родной деревни не отпускали. С того времени в Григории словно сломалось что-то, и веселый до того мужик стал молчаливым, людей сторонился, в беседы особо не вступал. На все расспросы тетка Рая отвечала, что уж лучше так, чем муж алкаш или вовсе без мужа. Но как она вылечила своего Гришку, не говорила. А дети ее и подавно молчали...

– О, есть!

Колька наклонился и снял с ноги маленького серого рака, отчаянно старавшегося ухватить врага клешнями.

– Прямо по дну полз, чертяка. Маленький, а как хватанул!

Рак был выброшен на берег и положен в кастрюлю с водой, по дну которой он и ползал в одиночестве, пока Андрей с Сашкой одновременно не вытащили еще двух его сотоварищей.

– Наконец-то, – прокомментировал Виктор, – я вижу результаты вашего бестолкового хождения. А то до этого вы, по-моему, просто ноги полоскали.

– Шел бы ты сам сюда, раз такой умный, – отозвался Андрей. – Попробовал бы, как в ледяной водичке-то ходить!

– Я, мои маленькие обделенные друзья, призван не делать черновую работу, а отвечать за весь процесс! – назидательно ответил Виктор. – В нашем коллективе я выполняю функции мозга.

– Ага. Спинного, – уточнил Андрей.

Братья заржали. Мишка на берегу ухмыльнулся и сорвал новую ромашку.

– Хорош ругаться, давайте раков варить, – предложил он.

Развели костер и через десять минут уже грелись у потрескивающего огня.

– Эх, хорошо! – развалился на траве Мишка. – Жалко, Сенька с батей.

– Как он у вас, вроде не пьет сейчас? – спросил Колька.

– Сейчас не пьет, а завтра может опять начать, – Мишка зачерпнул ложкой воду из котла и осторожно попробовал на язык. – Черт, горячо! А так вроде бы вылечили мы его с матушкой. Ладно, хоть работает, деньги в дом приносит.

– Мишань, поделись опытом, а? – попросил Виктор. – А то у меня дядька двоюродный – алкаш редкостный, матушку до слез доводит. Может, что подскажешь?

Помолчав немного, Мишка встал, подсыпал в кастрюлю чуть-чуть соли и размешал. Остальные делали вид, что не обращают на него внимания, но на самом деле каждый слегка напрягся: история чудесного преображения Григория была у всех на слуху, и во многих семьях ломали головы, как тетке Рае удалось сотворить такое со своим алкоголиком. Мишка еще помолчал, а потом нехотя произнес:

– Да какой тут опыт? К Антонине сходишь, сделаешь, что она скажет, вот и весь опыт.

Сашка с Колькой переглянулись. Виктор, которому имя Антонина ничего не сказало, сделал вид, что все понял.

– Это кто, Антонина? – недоуменно спросил Андрей.

Мишка, Сашка и Колька посмотрели на него, как на маленького.

– В деревне живешь и Антонину не знаешь... – недоверчиво покачал головой Сашка. – Колдунья местная, ведьма.

Виктор с Андреем одновременно рассмеялись.

– Да че вы лыбаетесь? – рассердился Мишка. – Говорю вам, она батю нашего от водки отвела. Ведьма, самая настоящая, у родителей своих спросите. И живет в проклятом месте, за околицей.

– Почему же оно проклятое?

– Потому. Потому что там дороги скрещиваются.

– Ну и что?

– Эх, елки... Вы, городские, ни черта не знаете. Да то, что нельзя на перекрестке дом ставить, там нечистая сила заводится. Если крест не прямой, а кривой, то там черти и всякая нечисть так и ходит.

Андрей недоверчиво оглядел остальных – Виктор по-прежнему усмехался, а Сашка с Колькой серьезно кивали головами.

– Да ладно, ребят, вы что?! – не выдержал он. – Это ведь суеверия бабкины!

– Суеверия? – прищурился Мишка. – А как же суевериями батяня наш из могилы выполз, а? Одной ногой уже там стоял. Ну-ка, объясни мне!

Андрей промолчал. История исцеления почтальона и в самом деле была загадочной.

– Вот то-то, – подытожил Мишка. – Ладно, валите сюда, раков будем есть. И давайте-ка не трепитесь о том, что слышали, а то меня мать убьет. Поняли?

Все согласно кивнули и, потягиваясь, начали подниматься с травы.

Обратно возвращались уже вечером, сытые и молчаливые. Раков Мишка сварил отлично, как обычно.

Глава 4

Правильно, правильно, давайте разберем старые вещи. Старые вещи, особенно когда их много, очень обременительны. Старые вещи, они ведь такие... нехорошие, невкусно пахнущие, пыльные, противные. Чужая жизнь, ее следы, ее останки собраны в этом хламе, который нужно выбросить на помойку. Да, на помойку. Ведь мы собираемся начать новую жизнь, совсем не связанную со старой. Ну, может быть, пару ностальгических воспоминаний можно оставить, и только. А для них старые вещи могут быть даже вредны, потому что они говорят тебе все не так, как хотелось бы слышать и вспоминать, а так, как оно было на самом деле.

И поэтому старые вещи могут быть опасными.

Очень опасными.

Дом неохотно подчинялся новым жильцам. Тоне казалось, что за прошедшую неделю она проделала массу работы, но в субботу поняла, насколько ничтожными были все ее усилия.

– Ну, все, – бодро сказал Виктор, проснувшись рано утром. – Сегодня вместе разбираем дом. Сначала давай первый этаж разгребем, согласна?

– Согласна.

– Нам осталось три комнаты, зал мы разобрали. А потом можно крыльцом заняться. И вообще, я посмотрел, крышу бы подправить надо перед зимой.

– А мансарду ты когда хочешь разобрать?

– Да пускай хоть всю зиму стоит, она же тебе не мешает. Мы ведь будем пока жить только в нижних комнатах. Куда нам еще и две верхние? Ну так и пускай там всякий хлам пылится, а по весне разберем. Не все сразу, дорогая, не все сразу!

Виктор собирался потрепать Тоню по голове, но, глянув на ее туго заплетенную косу, передумал.

Весь день они вытаскивали из двух комнат мебель, старую одежду, какие-то бумаги и относили их на помойку за околицей с помощью двух нанятых Виктором деревенских мужиков. Работа продвигалась медленно и как-то неохотно. У Тони, обычно с жаром бравшейся за любую уборку, опускались руки при виде того, сколько им еще осталось делать. Это дом капризничает, против своей воли думала она. Мешает.

В самом деле, дом не хотел расставаться со старыми вещами. Они цеплялись за все углы, отчаянно протестуя против того, чтобы их уносили на помойку. Когда вытаскивали старый шифоньер, у которого на задней стенке был непонятно зачем намалеван какой-то детский рисунок, он треснул пополам, и одному из мужиков придавило ногу тяжелой станиной. Пока тот громко матерился, Виктор со вторым мужиком вытаскивали громадину из дверей, поднимали обломившийся низ, а на крыльце вдруг начали отваливаться с неприятным звуком дверцы, и одна из них, упав, оставила заметный след на деревянной ступеньке. Тоня растерянно смотрела на все это, стоя с тряпкой в руке, пока Виктор не отправил ее разогревать обед.

Она включила горелку, поставила на нее кастрюльку с супом. Но тут в мансарде раздались какие-то непонятные звуки, и, пока Тоня ходила выяснять, что там такое, вода выкипела, а лапша намертво приварилась ко дну. Да что за чертовщина, в конце концов! Тоня разозлилась. И вслух воскликнула: «Ну-ка хватит выкаблучиваться!» Это было бабушкино словцо – «выкаблучиваться», и оно подействовало на нее успокаивающе.

Виктор ходил вокруг старого комода и примеривался к нему. В результате он был вынужден признать, что тот совершенно неподъемный, и начал открывать ящики один за другим. В них оказалось старое, пожелтевшее от времени белье, ветхие полотенца, еще какие-то бесполезные тряпки, которые он брезгливо разворачивал и засовывал обратно. Странно, думал

он, почему они не увезли вещи с собой? Но потом вспомнил про Мишку, Женку и Сеньку и поморщился. Понятно почему.

Интересно, что в доме совершенно не было книг. Ни одной. А ведь все трое почтальоновых ребятишек, как их называла Андрюхина мать, были большими охотниками до чтения. Конечно, они читали не то, что Виктор, Хемингуэя и Сэлинджера, а литературу попроще, типа Лондона, или Пикуля, или Дюма, но читали много, захлеб и потом всегда делились прочитанным. Виктор вспомнил, как тетка Рая гордилась детьми – начитанные! Получается, шмотки старые оставили, а книги увезли до единой. Впрочем, может, они в мансарде?

– Тонь, подойди, пожалуйста!

Она появилась в дверном проеме.

– Слушай, тут весь комод барахлом забит, его нужно выкинуть. Ты сама сможешь?

– Ну конечно, – кивнула Тоня, хотя немного удивилась: – А почему ты сам не разберешь?

– Не хочу с чужими тряпками возиться, – признался он. – И еще... Если бы все тут совсем чужое было, тогда другое дело, а я ведь бывших хозяев знал хорошо, и у меня такое ощущение... неприятное, в общем. Понимаешь?

– Ладно, Вить, я разберу. Мой руки, пойдем обедать.

К вечеру выглянуло солнце и потеплело. Солнечные лучи заливали сад, и яблоки отсвечивали розовым. На их фоне маленькая рябинка у самого дома казалась неправдоподобно красной, слишком яркой. Виктор сидел у дома на бревнышке и хрустел антоновкой, подобранной с земли.

– Тонь, я вот что придумал... – позвал он.

Жена выглянула из окна.

– Давай-ка мы с тобой на пленэре сегодня поужинаем.

– В смысле?

– Ну, на свежем воздухе. У тебя что на ужин?

– Картошка с котлетами, салатик.

– А ты можешь стол во дворе накрыть?

– Могу, конечно. А зачем?

Виктор покачал головой.

– Эх, любимая супруга, нет в тебе романтики! Ведь так хорошо на улице, ну и чего ж дома-то сидеть? Решено, я столик вынесу, а ты пока ужин сооружай.

Вот ерунду придумал, сердилась Тоня, ставя сковородку на огонь и выкладывая салат на широкие зеленые листья. Ужинать на пленэре, наверное, замечательно, конечно, но ведь нужно кучу всего во двор вытащить. А обратно кто все понесет? Ну не Виктор же, конечно! Нет, он будет наслаждаться красотами августовского вечера и уминать картошечку с помидорами. А если выяснится, что на столе не хватает хлеба, то кто побежит в дом? Догадитесь с трех раз. Тоня перевернула котлеты, мельком глянула в окно на Виктора, устанавливающего маленький столик, и задумалась.

Мысли, пришедшие ей в голову, были совершенно кошунственными. Она не могла их выразить, но понимала, что три месяца назад ей бы и в голову не пришло критиковать Виктора и тем более злиться на что-то. Не такая уж большая трудность – посуду вынести и принести обратно. А муж и не должен ей помогать, он же пашет, как вол, деньги зарабатывает. И большие деньги! У них есть все, что надо: дом, машина. Сама она обута и одета. И на рынок не пешком ходит, как в Химках своих, таща обратно кучу пакетов, а цивилизованно доезжает на машине до супермаркета, грузит все, что надо, в тележку и до машины в ней потом довозит. Что, зажралась, матушка, пришла ей в голову язвительная мысль? С жиру бесишься?

Нет, покачала головой Тоня, не в том дело. Дело в доме. Это из-за него к ней всякие плохие мысли пристают. Она ведь изначально была против покупки дома в деревне, а уж о том, чтобы жить в нем круглый год, и слышать не хотела. Виктор уговорил, и напрасно...

Тоня машинально разложила еду по тарелкам, вынесла во двор небольшую скатерть и уже собиралась возвращаться за хлебом, как вдруг увидела две высокие фигуры, мелькающие между яблонь. Они шли от калитки.

– Вить! – окликнула она мужа, ушедшего куда-то за сарай. – К нам гости!

Виктор, снимая на ходу рукавицы, вышел из-за дома и, увидев высоких, сутулых парней, чем-то неуловимо похожих друг на друга, ахнул, расплылся в улыбке:

– Колька! Сашка! Елки-палки, вот сюрприз!

– Здорово, Вить! Ну ты заматерел...

– Привет, Витек! Слушай, мы без приглашения решили к тебе, ничего?

– Охренели, что ли? Какие приглашения?! За стол давайте, ужинать! Черт, сколько лет...

Глядя из окна на обнимающихся мужчин, Тоня поймала себя на том, что любит Виктора. В нем чувствовалась порода. Двое пришедших были выше, крепче, со светлыми волосами (а Тоне всегда нравились блондины), но на фоне смуглого Виктора они как-то... Терялись, что ли? Нет, не терялись, просто сразу было видно, кто из них главный. «Интересно, а в детстве, когда они все дружили, тоже так было?» – подумала Тоня и пошла знакомиться.

Через час из дома были вытащены старые подстилки, и все развалились под яблонями, прихлебывая Тонин клюквенный морс. Виктор предложил выпить за встречу, но братья, к удивлению Тони, дружно отказались. Виктор покачал головой, но уговаривать не стал.

Тоня с интересом приглядывалась к сыновьям тети Шуры. Сашка и Колька несколько не напоминали мать. И друг на друга они вроде походили, а в то же время были разными. Разговорчивый, улыбчивый Сашка постоянно откидывал со лба светлые волосы и восторженно и немного недоверчиво смотрел на Виктора. Николай держался сдержанно, говорил немного и неохотно, и Тоня несколько раз ловила на себе его пристальные взгляды (гость смотрел очень серьезно, без улыбки). Поначалу она объяснила их обычным интересом к жене бывшего приятеля, но через некоторое время такое внимание начало ее раздражать. Улучив момент, когда Саша и Виктор увлеклись разговором, Тоня повернулась к Николаю и спокойно взглянула прямо на него. Тот смутился, немного покраснел и вклинился в беседу:

– Вы о ком, об Андрюхе, что ли?

– Да, я интересуюсь, может, кто из деревенских о нем что-нибудь знает? – обернулся к нему Виктор.

– Не думаю я, – покачал головой Сашка. – Если уж мать, которая с тетей Машей близко общалась, не знает, что с ними случилось, то остальные и подавно. Они же не деревенские, которые у всех на виду, а городские: ну, подумаешь, не приехали на очередной сезон, только и всего.

– Странно, что дом не продают. Кстати, Витька, а ты как узнал, что почтальонов-то продается? Мы вот и слыхом не слыхивали, а то, может, и сами бы купили! – улыбнулся Сашка.

– Но я ведь где работаю – в фирме строительной.

– И что с того?

– А то, что такие фирмы очень быстро узнают обо всех предложениях на рынке жилья. Наша специализируется на коттеджах, которые в различных подмосковных районах строятся, так что нам сам бог велел собирать предложения о продаже домов в деревнях. Ну а я как увидел, что в Калинове дом продают, так сразу собрался и поехал смотреть. Ну и купил, конечно.

– Понятно... – протянул Сашка.

Колька смотрел на Виктора немного недоверчиво, и Тоня его понимала. Между прочим, ей Виктор сказал, что случайно узнал о продаже почтальонова дома от одного из приятелей, с которым столкнулся на улице. Тогда она не стала уточнять, что за приятель, который знает о родной деревне Виктора, но сейчас задумалась. Ей стало очевидно, что никакими предложениями о продаже домов фирма Виктора не занимается, и она не понимала, зачем он говорит неправду.

– Ладно, парни, что мы все обо мне да обо мне. Вы давайте рассказывайте, как у вас у самих дела! Только вот что, холодает уже, давайте-ка мы с вами костерок разведем.

Виктор встал и принес от дома несколько старых досок. Пока Тоня ставила чай, они развели небольшой костер и теперь все трое горячо обсуждали что-то, стоя вокруг него. Тоня вынесла чайник и чашки, затем сделала бутерброды и только собиралась разложить все по тарелкам, как в кухню зашел Николай.

– Тоня, давайте я вам помогу. А то вы все вокруг нас хлопочете... – пробормотал он.

– Спасибо, – обрадовалась она, – вы бутерброды выносите, а я пока варенье в вазочку переложу.

– Да не нужно никакого варенья, – грубовато отозвался Николай. – Вы идите, посидите спокойно, а бутерброды я доделаю и вынесу.

Тоня удивленно взглянула на него и тут же поняла, что ей и правда не хочется ничего делать, а хочется сидеть под яблоневыми деревьями, у огня и смотреть на закат. Она кивнула и пошла в сад, закутавшись в шаль.

Искоса наблюдавший за ней Сашка решил, что мать права: Виктор оторвал себе настоящую красавицу, хоть и не по своему вкусу. Да и не по Сашкиному, честно сказать, – слишком серьезная. Ни поговорить толком, ни пошутить. Но фигура-то, фигура какая! Да, хороша бабенка.

Через час уже не обсуждали, кто чем занимается, а вспоминали старых приятелей и знакомых.

– Завадские, представляешь, в Америку свалили! – Сашка поворошил палкой ветки в костре.

– Да ты что! Давно?

– Да года три уже будет, пожалуй... Все вместе, с детьми и собакой.

– А Графку помнишь? – вмешался Николай.

– Хм, помню придурка, как не помнить.

– Так он вообще спился, теперь ходит по деревне, за стопку соглашается работать. Ну да работник-то из него тот еще!

– Уж точно! – согласился Сашка. – Что ни сделает – переделывать надо. К матери подкатывался, она его куда подальше послала. Теперь вроде у бабки Степаниды обосновался.

Виктор покачал головой и повернулся к жене:

– Тоня, вот к кому мы с тобой завтра зайдем. И вообще по деревне прогуляемся. Не поверите, мужики: неделю как приехали, а деревни еще и не видели.

– Ну, увидишь – удивишься. Половину домов приезжие перекупили и виллы себе отгрохали.

– Да ладно, виллы! – покосился на брата Николай. – Выдумываешь ты... Просто нормальные дома, добротные.

– Ага, ага... Ты те, которые с бассейном, что ли, называешь добротными? Нам бы такой добротный домик...

Виктор прищурился на костер. Да, и здесь многое поменялось. Обязательно нужно посмотреть! И с соседями познакомиться не мешает, Тонька правильно предлагает.

– Слушай, совсем как в детстве сидим, – заметил Сашка. – Раков не хватает. И картошки.

– Еще ребят почтальоновых и Андрюхи, – добавил Николай.

Наступило молчание. Тоня хотела спросить про почтальоновых ребят, но тут калитка за яблонями закрипела, и раздался громкий бас:

– Эй, можно к вам на огонек?

– Милости просим! – крикнул Виктор, поднимаясь.

Через несколько секунд на тропинке между яблонями показался крупный, толстый человек с черными кудрями.

– Разрешите представиться, – прогремел он, подходя ближе, – Аркадий Леонидович, ваш сосед. Живу вон в доме, который стоит за соседним, заброшенным. Увидел свет в саду вашем и полагал, по своей наивности, что от костра, но теперь вижу, что ошибся. Сударыня, – поклонился он Тоне, – ваша красота озаряет Калиново, как свет зари.

Тоня во все глаза смотрела на странного гостя, а Виктор и братья уже знакомились, представлялись, усаживали его около костра. Выяснилось, что Аркадий Леонидович сначала снял в Калинове дом на весь июнь, а потом, «соблазненный дивным, дивным пейзажем», взял да и купил его.

– И что вы думаете? – громогласно вопрошал Аркадий Леонидович, тряся черными кудрями. – Так местная природа на меня подействовала, что я даже оперировать стал лучше!

– О, так вы хирург? – поднял брови Виктор.

– Милый вы мой, я не просто хирург, я пластический хирург! Предлагаю, так сказать, новую жизнь с новым лицом. Ну, или не обязательно с лицом.

– В каком смысле? – не понял Сашка.

– В том смысле, милый вы мой, что не всем нужно менять лицо, некоторые заинтересованы в смене совершенно других частей тела. Среди присутствующих таких нет, я полагаю? – Он цепким взглядом обошел лица собравшихся.

– Так вы что, вроде как мужчин в женщин... и наоборот, что ли? – догадался Николай.

– Что ли, что ли, – довольно подтвердил Аркадий Леонидович. – Вот именно этим наша клиника и занимается. Ну, не только, конечно, но в том числе. Так что если понадобится квалифицированная медицинская помощь, обращайтесь. «Неомедсен» наша клиника называется. Да я вам визиточку свою оставлю.

Жестом фокусника Аркадий Леонидович выхватил непонятно откуда несколько черных прямоугольников и раздал их. На них значилось: «Аркадий Леонидович Мысин. Хирург. Клиника „Неомедсен“. И телефоны.

Виктор оценил и плотную рифленую бумагу, и золотую вязь на черном фоне. Аркадий Леонидович Мысин произвел на него впечатление чего-то среднего между авторитетом от медицины и шарлатаном от нее же.

– А как же вы в клинику отсюда ездите каждое утро? – осведомился он. – Не далеко?

– Ну, во-первых, вы же тоже на работу отсюда добираетесь, как я понимаю, – возразил хирург. – Во-вторых, операции не каждый день. И в-третьих, при плотном графике я остаюсь в городской квартире, она у меня удачно расположена, в пяти минутах пешим ходом от клиники.

И Аркадий Леонидович рассмеялся негромким, довольным смехом.

– А вы один здесь живете? – спросила Тоня.

– Нет, милая моя, не один, а с дражайшей своей супругой, Лидией Семеновной. Она в деревне немного скучает, так вы заходите, познакомьтесь, милости прошу, всегда и без церемоний!

Виктор спросил о количестве операций, Сашка еще какой-то вопрос прибавил, и разговор завертелся вокруг практики Аркадия Леонидовича. Николай тоже время от времени вступал в беседу, а Тоня сидела молча, с удовольствием прислушиваясь к мужским голосам и веселому смеху, сопровождавшему очередную шутку Аркадия Леонидовича (причем громче всех смеялся он сам). Первый раз за все время, что она жила здесь, ей показалось, что в Калинове и в самом деле так хорошо, как обещал Виктор. Они будут собираться с друзьями вечерами под яблонями, готовить шашлыки – купят кресла в сад, у Вити где-то был мангал... А она наварит много золотистого варенья с прозрачными дольками, плавающими в нем, сладкого и ароматного. И с работой как-нибудь устроится. А еще лучше родить ребенка, хорошо бы мальчишку,

чтобы рос здесь здоровым. Вопрос с садиком для него потом решить можно. Наверное, Виктор по утрам будет отвозить его в райцентр... или она, если машину купят еще одну....

Виктор бросил взгляд на спящую Тоню и покачал головой. Все, жену сморило. Ненадолго же ее хватило – всего день завалы старые разбирали, и она под такой шум уснула. Домой, что ли, ее отнести? Нет, еще проснется... Ладно, пускай тут спит. Он поправил на Тониных плечах съехавшую шаль и повернулся к костру.

– Так я не понял, Аркадий Леонидович, что вы ему вставили?

На противоположной стороне улицы около богатого большого дома с черепичной крышей стоял его хозяин Савелий Орлов и хмуро смотрел в сторону почтальонова сада. Он видел отблески костра в темноте августовского вечера и слышал хохот, доносившийся оттуда. Да, правильно Лизка с Данилой говорили, все правильно. Купили дом. Савелий прищурился.

Черт возьми! Он ведь узнавал, не продается ли дом, и ему ясно сказали, что хозяева против продажи. И деньги он предлагал не просто неплохие, а очень неплохие: шутка ли, две цены! Нет, все равно отказали. Может, конечно, сами хозяева вернулись, но что-то не очень похоже. У забора стояла «Ауди», а хозяева-то, как он слышал, в лучшем случае могли велосипед отечественный себе позволить.

Из ворот высунула голову младшая, Лизка, хотела что-то сказать, но, увидев лицо отца, быстро юркнула обратно. В семье знали, кто в доме главный и кого нельзя беспокоить, если он рассержен. А сейчас Савелий был не просто рассержен – он был взбешен. Он купил этот дом полгода назад, за два месяца конфетку из него сделал и, если бы не теперешний хохот на другой стороне улицы, был бы всем доволен. А что мать ходит смурная, так ничего, ради внуков перебьется. Дом для нее отгрохал, слава богу! Баню поставил с бассейном небольшим, кухню такую заказал, что сама все готовит, так что нечего рыло воротить. Но какая же сволочь тот-то дом купила, а? Кто ж ему, Савелию Орлову, ухитрился дорогу перейти?

Конкуренты и партнеры Савелия Орлова знали, что дорогу ему лучше не переходить. Лучше вообще идти параллельным курсом и демонстрировать максимальное дружелюбие. В его собственной фирме его панически боялись все сотрудники и, если бы не получаемые ими весьма приличные деньги, давно разбежались бы, как тараканы. Семнадцатилетний Данила, старший сын Савелия, парень хоть и избалованный, но умный, от одного взгляда отца терял всю свою самоуверенность и чувствовал себя полным ничтожеством. Впрочем, такое ощущение рано или поздно возникало почти у всех, кто общался с предпринимателем Савелием Орловым, поэтому друзей у него не водилось. Врагов, впрочем, теперь тоже. Похожий на бультерьера, облагороженного последними достижениями стилистов, Савелий пер как танк в любой области, начиная от своего бизнеса и заканчивая вопросами воспитания собственных детей. И вот первый раз за последние три года он видел: то, чего он добивался, не получилось. Мало того – получилось у кого-то другого! С твердой решимостью узнать, кто обосновался в выбранном им для себя доме, Савелий повернулся и, тяжело ступая, вернулся во двор.

Через полчаса после его возвращения из дома вышла Ольга Сергеевна и встала около палисадника. Ей было совершенно очевидно, почему сын вернулся злобный. Кутаясь в платок, она смотрела в ту же сторону – в сторону почтальонова дома. Все разошлись, смех утих. Отсюда не было видно окон, и Ольга Сергеевна подумала: соседи уже спят. Губы ее медленно раздвинулись в улыбке, и если бы эту улыбку увидела Тоня, собиравшаяся знакомиться со всеми соседями, она бы десять раз подумала, прежде чем идти в гости к Ольге Сергеевне Орловой и ее сыну.

Двадцать лет назад

Мишка, Сенька и Женька, поднимая босыми ногами тучи пыли, шли к чернявскому дому. Со стороны они были похожи на трех мальчишек, потому что коротко стриженная черноволосая Женька напялила на себя короткие шорты, кепку и Сенькину застиранную футболку, в которой ее невысокая коренастая фигура совершенно терялась.

– Сто раз тебе говорил, – ворчал Мишка, – одевайся ты как девчонка. Вон на Юльку посмотри.

– Нечего мне на нее смотреть, – отозвалась Женька. – Нашел, кого в пример ставить! Она с Витьки глаз не сводит, как дура, а мне он на фиг не сдался.

Мишка искоса глянул на сестру и вынужден был признать, что даже в таком виде, нарочно ступая вразвалку, как пацан, его сестра была куда симпатичнее Юльки. Та маленькая, носик острый, вечно взъерошенная, будто у них расчески дома не водятся. Воробей, одним словом. А Женька на мать похожа: глаза черные, большие, и кожа такая... красивая, короче. Как у Любки, дочери Светки-продавщицы. Только та – дрянь, а не девчонка, а Женька у них хорошая. Да, повезло им с сестрой.

Мишка поддел ногой дырявый мяч, валявшийся на дороге, и послал его Сеньке. Сенька, молниеносно отбив подачу, отправил мяч прямо в стену домишки бабки Степаниды.

– Эй, ты что делаешь? – прикрикнул Мишка. – Вот она тебе сейчас устроит!

– Да я не думал, что он так улетит, дырявый же, – оправдывался Сенька.

Думал, не думал... Силы девать некуда, вот что. Мишке было немного обидно, что брат младше его на три года, а сильнее и бегаёт быстрее, будто он старший, а не Мишка. Ладно, зато слушается его, как собачонка. Мишка в своей семье этот... как его... авторитет, вот! Надо будет при Витьке вставить, невзначай так, что он авторитет. Хорошее слово.

В Витькином дворе Колька, Сашка и Андрей, сидя на корточках, кидали ножички. Витька судил, а Юлке было наказано смотреть в сторону огорода, не появятся ли Витькины бабушка или мамаша, таких развлечений совершенно не одобрявшие. Она, привстав на скамейку и вытянувшись изо всех сил, смотрела куда было велено, время от времени переводя взгляд на Виктора. Тот, развалившись на скамейке, с усмешкой наблюдал за попытками Андрея победить Сашку.

– Черт, проиграл! – Андрей раздраженно бросил ножик в землю. – Это все от гитары – у меня мозоли на руках.

– О, слышите, кажись, почтальоновы идут, – насторожился Колька.

Раздался тихий стук, и из-за забора появились две черных головы.

– Открывай давай!

– А где Женьку забыли? – спросил Виктор, подходя к двери.

– Да тут я, тут, – выглянула из-за спин братьев девчонка. – Юлька пришла?

– Жень, я здесь! – пискнула Юлька, прыгнув со скамейки. – Слушайте, может, не пойдем?

– А куда вы собрались? – раздался бабушкин голос, и сама она вышла из-за дома. – Мать знает?

– Знает, знает, – успокаивающе отозвался Витька. – Да мы недалеко, на болото за околицей.

– А бинокль отцов тебе зачем на болоте понадобился? – с неожиданной проницательностью спросила бабушка.

Витька выскочил за забор и оттуда крикнул:

– Уток высматривать!

Глядя на всю компанию, направляющуюся в сторону околицы, Дарья Михайловна только головой покачала. Опять Витька что-то выдумал. Какие утки? Господи, припекает-то как! Надо Нинку домой звать, сгорит вся или голову напечет.

С мыслями о дочери Дарья Михайловна побрела на огород. Если бы она задержалась у калитки подольше, то увидела бы, что шестеро парней и две девчонки не свернули в прогон, а прошли дальше, к тому концу деревни, который многие, крестьяне, называли ведьминским.

– Витька, не жись, дай посмотреть!

Виктор не отрывал бинокля от глаз.

– Да перестань, Сашка, и так все видно. На фига еще бинокль тащить надо было? К тому же старый...

Виктор взглянул на Андрея, критиковавшего его бинокль.

– Может, он и старый, а окуляры у него получше, чем у нового будут, – недовольно заметил он. – На, Сань, посмотри.

Они лежали в высоких зарослях травы, на пригорке, неподалеку от дома Антонины, и изучали небольшой двор. Даже прогрессивные родители Виктора запретили ему ходить сюда, после того как Витькина бабушка что-то там наговорила его матери, а уж остальных и вовсе ждала бы хорошая порка, узнай родители, что они пошли к *ведьмину* дому. Поэтому время от времени Сенька оглядывался назад, посмотреть, нет ли кого со стороны дороги, кто мог бы рассказать родителям, где видел их отпрысков. Но дом Антонины стоял на отшибе, да и палящая июльская жара загнала всех по домам. И все же ребята время от времени дергались и оборачивались, не доверяя полностью бдительности Сеньки. Спокойнее всех был Андрей, родители которого ничего про Антонину не знали, а если бы и узнали, то вряд ли так серьезно к ее принадлежности к колдовскому клану отнеслись.

– Нет там никого, – шепотом сказал Колька. – Пацаны брешут, как собаки.

– Есть, – помолчав, отозвался Сашка. – В сарае.

– Ну-ка, дай посмотреть.

Сашка передал бинокль брату, и теперь Колька пристально вглядывался в дом Антонины. Вот какая-то тень мелькнула за окнами, вот она сама вышла на крыльцо....

– Ложись!

Все приникли к земле. Через минуту Андрей осторожно поднял голову и убедился, что женщина сошла с крыльца и идет в сторону сарая с мисками в руках.

– Сейчас собак кормить будет, – догадался он.

– Шас... – покосился на него Мишка. – У нее собак отродясь не водилось, к ней и так ни один вор не полезет. Кот какой-то живет облезлый, и все. К нему она и идет, к тому парню.

– Да что он, в сарае живет, что ли?

– В сарае, значит.

– Тихо! – шикнул Витька, и все замолчали.

Высокая статная женщина с длинными косами, уложенными вокруг головы, подошла к сараю, остановилась и что-то сказала. Без всякого бинокля раскрывшим рты ребятам было видно, как оттуда выползла странная фигура и начала кататься в ногах у Антонины. А та стояла, не двигаясь, с мисками в руках. Потом поставила миски на землю, повернулась и пошла в дом. Человек на земле пополз за ней. Теперь было хорошо видно, что это полуголый молодой мужчина, весь заросший неопрятной бородой. На шее у него...

– Верева у него, что ли?! – ахнула Женька.

Антонина посреди двора внезапно остановилась и начала пристально вглядываться в сторону пригорка. Вжавшись в землю, перепугавшись до смерти, ребята лежали неподвижно, не осмеливаясь даже смотреть в сторону страшного двора. Прошло несколько минут. Наконец Андрей начал поворачивать голову.

– Лежи! – страшным шепотом закричала Женька. – Лежи, тебе говорят!

Андрей очень осторожно приподнял голову и успокоительно произнес вполголоса:

– Да нормально все. Не видит она нас.

Колдунья опять стояла около мужчины, наклонясь над ним. В ее руках была короткая черная веревка, которой она начала внезапно обхлестывать его со всех сторон. С короткими взвизгами, как собачонка, парень перекатывался с боку на бок, извивался, причем ребята никак не могли понять почему: сила ударов была явно недостаточна, чтобы вызвать такие страдания. Антонина остановилась и смочила веревку в ведре, на котором крест-накрест, как разглядел в бинокль Витька, лежали какие-то длинные щепочки. Помахав веревкой над парнем, она неожиданно начала как-то странно двигаться вокруг него, то размахивая веревкой вокруг себя, то проводя над ним, то выжимая ее.

– Это она танцует! – оторопело произнес Мишка. – Парни, она танцует!

Никто не произнес ни слова. Движения ведьмы действительно были похожи на странный дикий танец, сопровождающийся припевами. Слов было не разобрать на таком расстоянии, но было слышно, что песня становится все громче и громче, превращается в череду непрерывных вскриков. Наконец, громко выкрикнув несколько раз подряд какое-то непонятное слово, Антонина замерла, вытянувшись, над лежащим неподвижно парнем и бросила веревку ему на грудь. Тот забился, словно в конвульсиях, на губах у него появилась пена, а женщина стояла неподвижно, не глядя на него. Через некоторое время парень затих, голова его бессильно откинулась набок, глаза закрылись.

Антонина наклонилась, взяла веревку и отошла к колодцу рядом с забором, неподалеку от которого, как разглядели ребята, горел небольшой огонь в глиняной плошке. Бросив веревку в огонь, она вернулась к неподвижно лежащему человеку, приподняла его за плечи и потащила в сторону сарая. Веревка на его шее волочилась за ней. Что ведьма делала в сарае, ребята не видели, но очень скоро она вышла оттуда и быстрыми шагами возвратилась в дом.

Все лежали неподвижно, потрясенные увиденным. Неожиданно за спиной Юльки раздался шорох, и, взвизгнув, она обернулась, а за ней и все остальные. На зеленом склоне сидел грязный, ободранный черно-белый кот и пристально смотрел на них желтыми глазами. Одно ухо у него было порвано, на боку чернела болячка. Кот совершенно по-человечески перевел взгляд на Сеньку, и тот не выдержал. Вскочив, парень с криком бросился бежать в сторону деревни, а за ним и все остальные.

Кот остался сидеть на пригорке, даже не повернув головы им вслед.

– Ну, что я вам говорил! – возбужденно спрашивал Мишка через полчаса, сидя в зарослях сирени за Андрюхиным домом. – Говорил я, что она лечит, а вы не верили!

– Она что, и с батей вашим так делала? – недоверчиво поинтересовался Колька.

Сенька и Мишка помотали головами, а Женька разъяснила:

– Нет, она матери какой-то воды крашеной дала и сказала, как отца поить и что еще делать надо. А мать ей за это что-то отдала, только мы не знаем что, вот он и вылечился.

– Во всяком случае, пить перестал, – хмуро добавил Сенька.

– А тот мужик тоже алкоголик, что ли? – Андрей обвел взглядом лица приятелей.

Бледная Юлька до сих пор сжимала руки в кулачки, а Сашка дергался от каждого шороха. Да и остальные выглядели не лучше. Один Виктор сидел со спокойным лицом, но Андрей подозревал, что он просто удачнее притворяется.

– Нет, Андрюша, – покачала головой Женька, – все гораздо хуже.

– Да куда уж хуже?

– Представь себе, есть куда, – мрачно произнес Витька.

– Да говорите уже! – рассердился Андрей. – Хватит страшные глаза делать!

Помолчав, Виктор переглянулся с Мишкой и сказал:

– Он наркоман петряковский.

– Какой петряковский? – не понял Андрей. – Ой, что, тот самый? Да он же в тюрьме сидит!

– Выпустили его, уже с полгода, – покачал головой Мишка. – Вот он у нас и обосновался. Андрей, Юлька, Колька и Сашка изумленно смотрели на него.

История молодого парня, который в соседнем Петрякове шесть лет назад зарубил топором собственную бабуку, вынес все из дома и собирался продать в райцентре, но не успел, была притчей во языцех в районе. Самой страшной угрозой родителей, поймавших с сигаретой собственного сына, было: «Сначала сигареты, потом наркотики, а потом ты нас с отцом поубиваешь?!» А слово «наркоман» произносилось шепотом и считалось неприличным, так же, как и слово «проститутка».

Про шестнадцатилетнего убийцу знали во всех домах, но Андрею как-то казалось, что тюрьма – это навсегда и рассказ про петряковского наркомана – просто страшная легенда, которая есть в любой деревне. И вот эта легенда час назад валялась во дворе дома какой-то жуткой женщины и визжала от боли, а он смотрел на нее собственными глазами.

– Ты знала? – недоверчиво спросила Юлька у Женьки.

– Да, знала. Витька сказал.

– А ты откуда узнал? – поднял глаза на Виктора Колька.

– Серега Завадский из тридцать шестого дома натрепал, а уж откуда он в курсе, я без понятия. Слушайте, парни, – помолчав, сказал Виктор, – получается, что этот придурок у нас в деревне будет жить. А если он уйти от Антонины вздумает, то может запросто и убить кого-нибудь?

– Да зачем ему убивать... – неуверенно сказал Сашка.

– А зачем ему бабушку свою было убивать? – парировал Виктор. – Да все затем же: чтобы деньги достать на дозу. Я не понимаю, зачем она вообще его лечит?! Таких людей уничтожать надо.

– Ну уж сразу и уничтожать, – усмехнулся Андрей.

– Да, именно так! – уверенно ответил Виктор. – Ты, Андрюша, просто не знаешь, а мне отец рассказывал. Наркоманы – не люди. Они как звери, понимаешь? У них от личности уже ничего не остается, только одно желание – убить кого-нибудь и отобрать деньги, чтобы уколиться. И вылечить их невозможно. Наркомания вам не белая горячка, как у дяди Гриши, а совсем-совсем другое. Вот помяните мое слово, эта сволочь еще натворит у нас бед.

– Как же его выпустили-то? – прошептала Юлька.

– Не знаю. Знаю только, что, пока он у Антонины живет, я лично свою маму одну в магазин не отпущу. А вдруг ему придет в голову туда зайти и ненароком кого-нибудь прирезать, а?

– Да брось ты, – попытался урезонить приятеля Мишка, но как-то неуверенно. – Раз его из тюрьмы выпустили, значит, он не наркоман уже.

– Неужели? – прищурился Витька. – Скажи мне, Мишенька, а ты уверен на все сто процентов, что тебе или, скажем, Женьке от придурка никакого вреда быть не может? Нет, вот скажи честно, ты абсолютно уверен?

Наступило молчание. Все пристально смотрели на нахмурившегося Мишку. Наконец тот нехотя покачал головой.

– Вот видишь! – бросил Виктор. – Наркомания неизлечима, это всем известно. Спросите у своих родителей.

– Ну и что же нам теперь делать? – жалобно спросила Женька.

– Эй, милые мои, вот вы куда забрались! – послышался веселый голос, и из-за веток выглянула мама Андрея. – То-то отец говорит, что голоса в саду раздаются. И что вы тут сидите? Ну-ка, пошли немедленно чай пить!

– Теть Маш, нам домой пора, – протянул Мишка.

– И слышать, ребятишки, не желаю! Я пирог испекла, так что пойдемте дегустировать. А ты, главный дегустатор, можешь потом мне помочь банки из погреба вытащить, – обратилась она к Андрею.

– Мам, я все сам вытащу, ты только скажи какие.

Андрей, не стесняясь остальных, чмокнул мать в щеку.

– Скажу, милый, скажу. Пойдем чайку попьем с ребятами, а потом делами займемся. Лады?

– Лады, – весело согласился Андрей.

Поздно вечером он стоял у окна и смотрел на темные качающиеся тени. Отец с матерью за его спиной весело бранились, обсуждая какую-то теплицу, которую отец не так покрыл.

– Пап, – неожиданно сказал Андрей, – а наркомания излечима?

– Что? – удивился отец. – Наркомания? Вообще-то, насколько мне известно, нет. Конечно, медики говорят о каких-то способах, вроде лечения подобного подобным, то есть фактически другими дозами наркотиков, но ведь те в конечном итоге вызывают всего лишь иного рода привыкание. Хотя я, конечно, не специалист в данной теме... А почему ты, собственно, интересуешься?

– Просто так, – спокойно ответил Андрей. – Ничего особенного.

Он отошел от окна, темные тени за которым раскачивались все сильнее и сильнее, забрался на диван и завернулся в плед. «Просто так, – повторил он про себя, – ничего особенного».

Глава 5

В жене Виктора раздражали две вещи: волосы и имя. С волосами все было понятно – идиотское Тонькино нежелание постричься приводило к тому, что она заплетала дурацкую косу, а их даже бабки в деревнях сейчас не носят. Нет, волосы у нее красивые, слов нет, и когда жена их распускала, то казалась настоящей русалкой. Но ведь нельзя же постоянно с косой ходить! А с распущенными она маялась, не могла потом расчесать. Как-то раз, желая ему угодить, еще в начале их знакомства, она пришла на какую-то вечеринку с хвостом, перехваченным красивой заколкой. И, конечно, произвела полный фурор. Но с тех пор как отрезало: не буду, говорила, хвост делать, и все. С косой, мол, удобнее. Как ни пытался Виктор воздействовать на жену, даже насмешками, оказался бессилён.

Так и с ее именем. Ну что за имя такое: Антонина? О чем, спрашивается, родители думали, когда ребенка называли? Еще бы Фросей окрестили. В конце концов, ладно, от Антонины можно много производных придумать. Виктор и напридумывал. Взять хотя бы «Тина» – красивое, изысканное имя. С шармом. Но когда он попытался Тоньку Тиной назвать, она взвилась, как укушенная. Убеждал, убеждал ее – бесполезно. Переделал в Аню – еще хуже отреагировала. Спросила, не хочет ли он Ваней стать; и если хочет, то и она не против. И ведь темперамент у нее флегматичный совершенно, по пустякам никогда из себя не выходит. А из-за ерунды с именем сущей фурией становится.

А вот на изменении названия ее профессии вроде бы настоял. Портниха из ателье, сказал, пусть выходит замуж за Федю Васечкина, а его жена – модельер. Но каждый раз, как только заходила речь о ее работе, Тоня по-прежнему представлялась портнихой. Потом оправдывалась: мол, забыла, привыкла, и мама, и бабушка были портнихами.

– Тонь! – крикнул Виктор. – Чтобы у бабки Степаниды не вздумала опять про портниху ляпнуть!

– Почему, Вить?

– Елки-палки, сто раз уже объяснял...

– Слушай, ну неужели ты думаешь, – появилась она в дверях, – что этой твоей бабушке, которой двести лет, есть какое-то дело до того, чем я занимаюсь! Витя, ты все никак не можешь понять: здесь же деревня, жизнь со своими заботами у каждого.

– Вот именно, – подхватил он, – и все в деревне, несмотря на свои заботы, ужасно любопытные. Пяти минут не пройдет после нашего визита, как к бабке Степаниде зайвится пяток гостей повыспрашивать: а кто в доме почтальоновом поселился и чем новые его жители занимаются? Так что забудь свою совковую «портниху»! Договорились?

Тоня махнула рукой и пошла собираться.

Пока они шли по улице, Виктор осматривался кругом. Деревня явно процветала, видно, многие, как и Виктор с Тоней, переехали сюда из Москвы и обосновались.

– Ну что, – спросил он у Тони, – как тебе?

– Даже странно, Вить: деревня такая небольшая, а богатая. Вот только у этой бабушки, Степаниды, домик совсем старый.

– Ой, страшно представить, какая же она сама стала! Ну, пойдем поздороваемся, а потом до конца деревни прогуляемся.

Маленький черный домик с покосившимся забором стоял среди своих соседей, как бедный родственник. Калитка была не заперта, и они прошли во двор, заросший густой невысокой травкой. От бани слышался стук топора, и Виктор нахмурился:

– Странно. Степанида никак не может дрова колоть, кто же у нее там...

Но договорить он не успел. Дверь домика со скрипом распахнулась, и на почерневшем от старости крыльце появилась маленькая, сухонькая старушка с удивительно живым, подвижным

лицом. Секунду она вглядывалась в гостей, а потом всплеснула руками и дребезжащим, но громким голосом воскликнула:

– Ай-яй-яй! Ай-яй-яй! Витя, да с Тоней, а у меня и не готово ничего!

Тоня вежливо поздоровалась, а Виктор забежал на крыльцо и, бережно придерживая старушку под локоть, помог ей сойти. Впрочем, она не особенно в том нуждалась, как заметила Тоня.

– Голубочки пожаловали! – ворковала старушка. – Знаю про вас, все знаю, уж нашептали, нашептали...

– Знаю я, кто нашептал! – рассмеялся Виктор. – Тетя Шура, так?

– А вот не скажу, Витенька, не скажу. Ну, давайте, в дом заходите и рассказывайте старухе про ваши дела. А я посижу, послушаю...

Тоня, пригнувшись, зашла в коридор, а из него в комнату с низким потолком. Небольшая комнатуха была чистенькой и аккуратной, везде лежали белые салфеточки, судя по всему, связанные хозяйкой. Маленький диванчик жалобно заскрипел, когда на него опустился Виктор, но бабушка Степанида только махнула рукой:

– Эх, Витюша, не до новой мебели мне, сам понимаешь. Во всем доме одна только старая рухлядь вроде меня самой осталась.

– А чайник? – внезапно спросила Тоня.

Она хотела промолчать и теперь сама не понимала, как у нее вырвалось замечание. Но новенький электрический чайник на окне, зеленый с белым, просто бросался в глаза. Странным образом он вписывался в интерьер комнатухи, но Тоня сразу заметила его, как только вошла. Она и себе хотела купить такой же.

– Ой, глазастая... – удивленно протянула бабушка Степанида. – Ну, жена у тебя, Витюша. Смотри, у такой не забалуешь!

Она погрозила ему пальцем и довольно захихикала.

– А чайник у меня от Евгения, – сняв его с подоконника, объяснила старушка. – Не поверите, голуби мои, приходится постояльцев брать.

– Так дрова постоялец рубит? – догадался Виктор.

– Он, он, – закивала Степанида седой головой. – Помощи мне от него много. Вот в прошлом году жил один, так тот одними утками своими интересовался. Настреляет, придет – и сразу спать. А этот и забор поправил, и по дому мне помогает, и денежку исправно платит. А как же еще, голуби мои, а? Я-то ведь по огороду уже не могу козой молодой бегать. Ой, Витюша, а ты видел, каких хором понастроили в нашем Калинове? Словом не сказать, сказка просто!

– Видели мы, – кивнул Виктор, – но еще не все. Вот, хотим прогуляться, посмотреть. Я пока только на пролетовский обратил внимание. Кто там теперь?

– Да бизнесмен какой-то. Для матушки своей выстроил, чтобы она, значит, с внуками нянчилась все лето. Ну, ничего плохого не скажу, люди серьезные. Не сказать чтоб приветливые или шибко вежливые, так оно сейчас и не в почете. Про тебя, Витюша, знаю, – сменила тему баба Степанида, – а вот красавица твоя о себе мне сама расскажет. А ты, дружок, сделай-ка чайку. Водички вон из колодца набери, а то в ведрах закончилась.

Подмигнув Тоне, Виктор вышел из дома. Ну, старушка сейчас из нее всю душу вывернет: как была любопытная, такой и осталась. Но вполне в здравом уме, судя по всему, никаким Альцгеймером тут и не пахнет. Беднота, конечно, ужасная. Надо бы ей деликатно денег подкинуть, вот только придумать как.

Задумавшись, Виктор не сразу заметил невысокого, крепко сбитого мужичка неопределенного возраста с реденькой бороденкой, отдыхавшего на бревне возле баньки. Топор был воткнут в здоровенное полено, валявшееся рядом.

– Добрый день, – поздоровался Виктор. – Мы к бабушке Степаниде в гости зашли, вот попросила воды набрать.

– Да я про вас знаю, – махнул тот рукой. – Она с утра уже ждет: как чувствовала, что зайдете. Давайте-ка воды натаскаем, а то так и будем за каждым чайником бегать.

Пока Степанидин постоялец доставал воду из колодца и разливал по подставленным Виктором ведрам, они разговорились. Женька, как представился мужичок, ожидал начала охотничьего сезона, а пока отдыхал на природе и помогал чем может хозяйке. В деревне ему нравилось: вроде бы и от Москвы не так далеко, и лес кругом.

– Если вам помощь какая нужна, вы ко мне обращайтесь, я на все руки мастер, – откомендовался он. – Пока охота не началась, я тут вроде как без особого дела сижу.

Виктор наполнил чайник, отнес в дом и застал там идиллическую картину: бабка Степанида, перетаскивая из кухни тарелки с золотистыми печенюшками, оживленно рассказывала что-то Тоне, а та смеялась.

– И ты знаешь, милая моя, – скрипела Степанида, расставляя на столике чашки в красный цветочек, – ведь так и боялась я до бани дойти, до того меня Витька, хулиган, испугал. Ну и дружки-приятели его, конечно! Только знаю я, кто придумщик-то у них был главный, – лукаво подмигнула она. – А вот и сокол твой ненаглядный. Ох проказник был мальчонка, ох и хитрец!

Тоня, отсмеявшись, взглянула на Виктора, качавшего головой с удивленным видом, и спросила у старушки:

– Бабушка Степанида, а расскажите мне про Витиных друзей, а то из него самого слова не вытянешь.

– А что рассказывать? – удивилась та. – Ну, Шуркиных ребят ты, наверное, уже знаешь.

– Да, кроме Юли, я ее еще не видела.

– Увидишь, увидишь. Она из них всех самая маленькая была, как птичка ровно. И чирикала так же – голосок тоненький, чтоб не сказать писклявый. Мужик-то ейный с детьми ее бросил и в бега подался, а куда – неизвестно. Николай у Шуры парень сурьезный, никак самый старший, а вот Сашка шалопаем всегда был, правда, нынче вроде бы остепенился и работу хорошую нашел. Вот только семьей не обзаведется, хотя сейчас, я смотрю, не особенно торопятся с этим делом.

– А мальчик из соседнего дома, который сейчас пустой стоит?

– Андрюша-то? Андрюша хороший мальчик был. И мне помогал, бывало, и родителей своих любил очень.

Старушка бросила быстрый взгляд в сторону Виктора, который рассматривал иконы в углу.

– А почему «любил»? – удивилась Тоня. – С ними что-то случилось?

– Да кто ж его знает, что с ними случилось. Только теперь ни Маши с Андреем, ни Андрюшеньки их нет и где они – одному богу известно.

Баба Степанида перекрестилась и покачала головой.

– Ну хорошо, – не успокаивалась Тоня, решив вывести у разговорчивой старушки все, что можно. – А почтальоновы дети... Ведь их так называли, правда? Они где сейчас?

Наступило молчание. Виктор медленно повернулся к жене, устремив на нее какой-то непонятный взгляд: словно он не понимал, что за вопрос она задала, и пытался перевести его на свой язык. Глаза его были холодными и удивленными. Бабка Степанида, глядя на них обоих, замолчала. Наконец Тоня неуверенно переспросила:

– Так что с ними, с детьми из нашего дома?

– Бабушка Степанида, засиделись мы у вас, пора нам, – с улыбкой сказал Виктор. – Печенье у вас замечательное, спасибо вам огромное. Как дом доделаем, пригласим к себе в гости, вот тогда Тонька пирогов напечет не хуже ваших.

Тоня не верила своим ушам.

– Вить, подожди, мы же еще не договорили!

– Тонь, если ты забыла, то я тебе напомним: нам с тобой по дому еще работать и работать. Я понимаю, вы, женщины, – народ любопытный, но давай ты потом будешь свое любопытство удовлетворять, хорошо?

Когда Виктор начинал говорить с ней так, словно она закапризничавший, плохо воспитанный ребенок, которого ставят на место в присутствии гостей, она всегда терялась, краснела и не знала, что сказать. В такие минуты Виктор сразу становился очень значительным, очень взрослым, понимающим, что нужно делать, а что не нужно, а она сама превращалась в простушку, плохо одетую и совершенно не умеющую себя вести.

– Действительно, голубки мои, бегите, бегите, потом зайдете! – закивала головой хозяйка. – Успеется еще, наговоримся – самим надоест. А пока с богом, милые мои.

Распрощавшись с бабой Степанидой, Виктор с Тоней вышли на улицу. И тут Тоню ожидал второй неприятный сюрприз. Прислонившись к забору, на траве сидел неопрятный старик, от которого несло алкоголем, и, прищурившись, смотрел прямо на них.

– А, Витенька пожаловал, да с женушкой... – хрипло проговорил алкаш. – Никак по святым местам пошли?

Он засмеялся, но приступ кашля прервал его жутковатый смех.

– Ты бы, Графка, похмелился, – брезгливо заметил Виктор, обходя старикашку.

– А ты мне на опохмелочку-то дашь? Уважишь старика, а? – Он поднялся на ноги и, покачиваясь, пошел к ним.

– Еще уважить мне тебя не хватало...

– А вот тогда я для тебя, говнюка, не Графка, а Евграф Владиленович! Понял, сучонок? – грязно выругался старик.

– Вить, пойдем! – потянула мужа за рукав Тоня. – Он же пьяный совсем!

– Пьяный? – перевел на нее мутный взгляд алкаш. – Не, я не пьяный. Был бы пьяный, я бы все твоему гаденышу сказал, все! А может, и скажу еще!

– Гляжу я, Графка, на тебя, – спокойно проговорил Виктор, – и понимаю, что как был ты дураком, так им и остался. Живешь, как собака, и как собака сдохнешь.

Он повернулся, собираясь уходить, и потянул Тоню за рукав, но их остановило отвратительное хихиканье за спиной. Оно было настолько неожиданно, что оба повернулись и уставились на старика, обнажившего гнилые зубы.

– Хи-хи-хи! – никак не мог успокоиться тот. – Значит, говоришь, как собака?

Внезапно он прекратил смеяться и совершенно трезвыми глазами взглянул на Тоню. Она непроизвольно сделала шаг назад.

– Как собака... – протянул он, по-прежнему не сводя с нее выцветших голубоватых глаз, в уголках которых собрались слезы. – Ну конечно, Витенька, тебе ведь лучше знать, кто как сдохнет, правда? Ты же всегда был умненький, такой умненький, что куда уж нам, дуракам! – И старик опять затрясся в приступе смеха.

Виктор решительно отвернулся и пошел прочь, крепко держа Тоню за руку.

– И ведь все они как собаки и сдохли! Правду говорю, а? – звучал им вслед хриплый голос. – Как собаки, да? И я так же помру, верно ты сказал, верно! Только как тебе спится, Витенька, на костях-то? Не страшно, а? Не страшно?

Они уже отошли далеко, но голос ужасного старика все звучал у Тони в ушах. Виктор шел мрачный.

«Сволочь старая! – раздраженно думал он. – Есть же такие люди, что злобой на всех исходят. И зачем бабка Степанида, святая душа, его прикармливает? Хотя, впрочем, что тут удивляться: потому и прикармливает, что святая. И ведь не сделаешь ничего старому козлу: чего доброго, копыта откинет, разбирайся потом с ментами. Нет, тряхнуть его за шкуру немножко можно, так, чтобы испугать, но не до смерти. Видела бы бабушка, каким ее добрый Евграф Владиленович стал...»

– Витя! – прервал его размышления напряженный голос жены. – Витя, о чем он говорил?

– Кто?

– Не притворяйся! – неожиданно резко сказала она. – Алкаш, о чем он говорил?

– Да я откуда знаю! Ты же видела, он пьяный!

– Нет, он не пьяный, – покачала головой Тоня. – Он все прекрасно понимает. Что он имел в виду, когда про кости говорил?

– Про какие кости?!

– На которых мы спим, Витя.

Тоня остановилась посреди дороги, и Виктор вынужден был встать.

– Так что за слова были про кости, на которых мы спим? Что, в нашем доме кто-то умер? Поэтому ты мне не рассказываешь про детей, которые там жили, да?

– Ну все, хватит! – не выдержал и повысил голос он. – Не рассказываю я тебе, потому что сам толком ничего не знаю, а сплетни пересказывать не хочу. Поняла меня? Я тебе не бабка Степанида, которая всем косточки перемывает вместе с теткой Шурой! Никаких детей в доме не умирало. А ты что, истеричкой решила заделаться, алкоголиков начинаешь слушать? Давай я тебе еще цыган позову, они погадают – хочешь, по ладошке, хочешь, по колоде. Ну как, согласна?

Тоня молча посмотрела на него и пошла назад. Через несколько шагов она обернулась и сказала, не глядя на мужа:

– Ты иди погуляй, а я домой. Устала.

Виктор, глядя ей вслед, только головой покачал. Что на нее сегодня нашло?

Дома Тоня прошла по комнатам, пристально осматривая их. У нее мелькнула мысль подняться в мансарду, но она понимала: это бессмысленно. Что она хочет выяснить? Виктор сказал, что в доме никто не умирал. А даже если бы и умер, что тут такого? Тоня прекрасно понимала, что почти в любом доме кто-нибудь да умер, так что ж теперь, в домах не жить?

Она вышла в сад. Уже чувствовалось дыхание осени. Яблоки висели на ветках, валялись на земле, краснели в траве, а маленькая рябинка перед окном вся была покрыта алыми гроздьями. Тоня сорвала несколько горьких ягод и разжевала. Ей хотелось посидеть, ничего не делая, но она понимала, что не может себе этого позволить: нужно работать. Для начала, решила она, надо разобрать комод, которым Витя брезгует. Она вспомнила стычку с мужем и нахмурилась: раньше у них такого не было. Они, конечно, ссорились иногда, но обычно по более серьезным причинам, чем сегодня. Нужно себя в руках держать, укоризненно сказала сама себе Тоня. И вернулась в дом.

Нижние два ящика были забиты старыми полотенцами, простынями, изветшавшими до дыр, какими-то тряпками, которые, видимо, собирались использовать в качестве полумойных. На дне лежали старые газеты, а в дальнем углу второго ящика Тоня нашла пожелтевший от старости кусок бумаги, похожий на часть письма, на котором смогла разобрать только: «И тебе, и твоим дорогим детям желаем счастья и радости, а главное – здоровья в новом году. С любовью...», и дальше неразборчиво.

Тоня представила себе людей, обитавших здесь, – родителей, бабушек, дедушек, детей, внуков... Дом был построен на две семьи, и те, кто возводил его, рассчитывали, что он будет служить им долго и верно. Но сейчас в нем было тихо. Даже когда Виктор по вечерам возвращался домой, казалось, что его голос не может рассеять тишину, обволакивающую их, словно мягкий пух. Наверное, это потому, подумала Тоня, что мы еще не привыкли к такому большому дому. В квартире тебя всегда окружают звуки: соседи разговаривают за стеной, у кого-то работает телевизор, а этажом выше звонит телефон. Здесь не было ни телевизора, ни телефона, а ближайшие соседи находились за забором, и потому привычный шумовой фон исчез, а

к новому они еще не успели привыкнуть. Он воспринимался как тишина, хотя в действительности и в нем было множество звуков, просто они были совсем другими.

Задумавшись, Тоня выдвинула верхний ящик. В нем, бережно свернутые, лежали детские вещи: маленькая бордовая кофточка, явно девчачья, синие штанишки, вытянутые на коленях, пара юбочек, свитера с рисунками, вывязанными довольно неуклюже... Вещи давно не носили, поняла Тоня, их хранили как память. Но почему не взяли с собой при переезде?

Она развернула кофточку, а в ней оказалась маленькая старая фотография, такая же пожелтевшая, как и письмо. Тоня бережно взяла ее и подошла к окну. Поверхность снимка была покрыта коричневыми разводами, но лица удалось разглядеть – с прямоугольной карточки улыбались семь подростков.

Сашку и Кольку она узнала сразу, хотя второй оброс бородой, а первый сильно поправился за прошедшие годы. Оба русые, вихрастые, но Колька улыбается сдержанно, по-взрослому, а Сашка хохочет во все горло. Между ними неловко растягивает губы в улыбке маленькая, особенно на фоне высоких братьев, девчонка с растрепанными черными волосами и остреньким носиком, похожим на клювик. Худенькие выпирающие ключицы, которые только подчеркивал открытый сарафанчик, тоненькие, как веточки, ручки-ножки... На ее фоне вторая девчонка, тоже темноволосая, но крепко сбитая, уверенно смотрящая в камеру, казалась гораздо старше. Над большими темными глазами нависала широкая челка, остальные волосы были неумело подстрижены в подобие короткого каре. Девочка напоминала мальчишку, и во взгляде ее было что-то немного вызывающее. Смелая, бесшабашная, решила Тоня, и не меньшая хулиганка, чем пареньки.

На карточках перед двумя девчонками и Сашкой с Колькой расположились три паренька. Один, сидевший слева, явно самый старший, был темноволосым и темноглазым. Его простое лицо кого-то напомнило Тоне, и она минуту вглядывалась в некачественное изображение, прежде чем поняла, что этого «кого-то» только что рассматривала. Тоня перевела взгляд на девочку. Пожалуй, это тоже были брат и сестра... Да, именно брат и сестра, уверенно решила она. Сходство было не только в чертах лица, но и в выражении, с которым оба смотрели на фотографирующего, и самое главное – в улыбке. Неширокая, спокойная, совершенно одинаковая улыбка на лице каждого – вот что еще выдавало в них брата и сестру. Такая похожая мимика, удивилась Тоня. Рядом с мальчиком сидел русский паренек, единственный из всех смотрящий на фотографирующего без улыбки. Но лицо его не было серьезным, просто... просто он очень спокойный, решила Тоня, и редко улыбается. Лицо мальчика не было захвачено коричневым пятном и получилось четче, чем остальные, поэтому она долго вглядывалась в него. Он ей понравился. Ей пришла в голову глупая мысль, что если бы она выбирала себе ребенка из тех детей, что на фотографии, она выбрала бы именно этого спокойного худощавого паренька, чуть задумчиво глядящего в объектив.

Последний, сидящий справа, Тоне тоже понравился. Улыбка во весь рот открывала неровные зубы, но мальчишка их явно не стеснялся. Высокий, крепко сбитый, он казался младше своего русого соседа именно из-за выражения лица – совершенно детского, щенячьего выражения восторга оттого, что его фотографируют, что потом он сможет рассматривать себя на карточке и показывать друзьям и знакомым. Младший брат Тони был точно таким же, и она некстати вспомнила, каких трудов стоило двум другим братьям и самой Тоне отучить его, маленького, от курения, к которому его за один вечер приуныл кто-то из старших школьников, в компании которых Лешка случайно оказался. Слова о вреде курения для него были пустым звуком, и он, не скрываясь, радостно рассказывал, что его даже не стошнило после первой сигареты, хотя и Вовика, и Серегу-Толстяка тошнило, он сам видел. Не действовала даже угроза рассказать все отцу. Тогда они втроем заставили его выкурить полпачки, и Тоня до сих пор бледнела, вспоминая тот жутковатый урок. Но зато Лешка долго не мог без отвращения смотреть на сигареты и курить по-настоящему так и не начал.

Тоня с фотографией в руках пошла в залу, забыв задвинуть ящик комода. «Виктору покажу, – подумала она, – если он знает детей тети Шуры, то, наверное, знает и остальных». Она уселась за стол, посмотрела на снимок еще раз и тут поняла, что никаких «наверное» быть не может, потому что снимал сам Виктор. Это было абсолютно очевидно! И она удивилась, как не поняла раньше. Когда Тоня попыталась объяснить себе, откуда взялась такая уверенность, у нее не возникло никакого иного объяснения, кроме как «дом подсказал». Это была правда. Словно чей-то звонкий голос произнес где-то рядом или у нее в голове: «Витька, только ты держи фотоаппарат ровно, а то я в кадр не войду!»

Она положила карточку на стол и устремила взгляд в окно, за которым раскачивались яблони на ветру и шелестели листья.

Двадцать лет назад

– Витька, только ты держи фотоаппарат ровно, а то я в кадр не войду! – крикнул Сенька, глядя на Витьку, умело выставляющего выдержку и диафрагму.

На всякий случай Витька достал из кармана экспонометр и проверил по нему экспозицию, с удовлетворением убедившись, что все сделал правильно.

– Не двигайся, вот и войдешь, – ответил он, отходя на полшага и прицеливаясь. – О, отлично-отлично, вот так и стойте...

– Вить, я устала, – заныла Юлька, которой и хотелось фотографироваться, и было страшно: вдруг она плохо получится на фотографии. И когда Витя будет рассматривать снимок, он каждый раз станет говорить сам себе: «Ну Юлька и уродина».

– Юленька, подожди еще секундочку... Внимание!

Раздался щелчок, и Витька оторвался от объектива.

– Ну а теперь давайте на фоне речки, только пусть кто-нибудь другой фотографирует.

Пока он объяснял восхищенному Сеньке, на что нужно нажимать и кто должен быть в центре, Андрей спросил у Мишки:

– Слушай, вы туда больше не ходили?

Мишка помотал головой. Уточнять, о чем идет речь, не нужно было: слишком живо было воспоминание о том, что они видели у дома колдуньи.

– Миш, а откуда она вообще взялась, та Антонина? – негромко спросил Андрей.

– Пускай тебе Женька расскажет, она лучше меня эту сказку знает, – серьезно ответил Мишка и пошел к брату посмотреть на Витькину технику поближе.

Конечно, они все рассматривали ее все утро, но Мишке хотелось еще раз подержать в руках небольшой фотоаппарат, так приятно и тяжело ложившийся в руку. Хорошо бы, чтобы и у него был такой... С другой стороны, баловство ведь, игрушка. Не, мотоцикл лучше в тыщу раз. Может, даже в две тыщи.

– Значит, тебе про Антонину рассказать... – констатировала Женька, усаживаясь на корточки, как делали Мишка с Сенькой. – Так вот, никуда она не приходила.

– Как не приходила? А в деревне она откуда тогда взялась?

– А ниоткуда. Она тут до деревни была.

– То есть как? – поднял брови Андрей. – Сколько ей лет, получается?

– Много, Андрюша, много. Да ты слушать будешь или нет?! – неожиданно рассердилась Женька.

– Буду, буду.

– Тогда не перебивай. В общем, много-много лет назад на месте нашей деревни стояла одна избушка, а в нем жила ведьма, и вокруг был лес. Ведьма иногда к людям выходила и выменивала у них продукты на всякие съедобные корешки и травки. А потом сюда приехали люди и решили: будет здесь новая деревня и назовут ее Калиново. И среди тех людей наш

дедушка был. Построили избы, а на ведьму никто внимания не обращал. Но потом прошел слух, что она может приворотные зелья готовить, и к ней начали бабы разные ходить, а иногда и мужики тоже. И она никому не отказывала, всем готовила свои отвары. А в деревне начались драки и склоки, потому что то у одного жена уйдет, то у другой муж скромный загуляет. В общем, всякое-разное начали говорить в деревне. И решили в конце концов для своей же пользы прогнать ведьму. Правда, прогнать не просто так, а денег ей предложить, чтобы уехала в другое место и там свои дела ведьминские делала. Боялись ее, вот что. Пришли к дому, а там и нет никого, только девчонка какая-то маленькая на печке сидит. Откуда взялась – никто не знает. Посмотрели на нее, стали с ней говорить – она не отвечает. Из избы ее выводят – а она плачет и вырывается. Ну, и оставили ее там. Те женщины, которые добрые, еду поначалу приносили, а потом смотрят: а она и не берет ничего, а все собаки да кошки пожирают. Ну, в общем, забыли про нее все. А потом как-то раз проходит наш дед мимо ведьминского дома, смотрит – а по огороду женщина высокая ходит, непонятно откуда взялась. Он ее позвал, она на него обернулась – а глаза как омуты. Он давай креститься! Так когда крестился, у него рука заныла, но все равно он крест сотворил, она глаза-то и отвела. А дед домой прибежал и всем рассказал, что в деревне новая ведьма появилась.

Андрей поймал себя на том, что низкий Женькин голос словно усыпляет его, переносит к избушке, вокруг которой ходит женщина с глазами как омуты. Словно он сам хотел перекреститься, но женщина с усмешкой смотрела на него, и он не мог даже руки поднять. Вокруг избушки ходил драный черно-белый кот с такими же глазами, как у женщины, и на шее его моталась длинная грязная веревка...

– Андрей! Да ты меня слушаешь?

– Слушаю, слушаю, – забормотал он, с трудом отведя взгляд от воды.

– А чего на реку смотришь, как полусонный? Ну, слушай дальше. И жители пришли всей деревней к дому ведьминскому, а за забор зайти бояться. Дед наш кричит: мол, кто ты такая, откуда взялась? А та женщина смеется: я, говорит, всегда здесь была и всегда здесь буду, сколько меня ни выгоняйте. А попробуете еще раз выгнать, я вашей деревне такое устрою, что здесь ни одного дома не останется. И как начнет руками водить! Все перепугались и по домам бросились. Вот тогда все и поняли, что колдунья-то старая, но как она узнала, что прогонять ее собираются, наколдовала так, что стала девчонкой, и росла опять, как бы заново. И с тех пор ее в покое оставили. А потом так даже снова стали ходить к ней, только потихоньку, чтобы никто не видел. Но она никогда приворотного зелья не дает, об этом все знают – только лечит, ну, может, скот заговаривает.

– А что такое «скот заговаривает»?

– Ну, чтобы сдох у соседа, или заболел там, или еще что...

– А ее за такие вещи не наказывают?

– Андрей, ну ты глупый какой-то просто, – покачала головой Женька. – Как ты ее накажешь, если она рукой махнет – и ты умрешь сразу?

– Ладно тебе, ерунду-то не говори.

– Да, ерунду? Коль! – позвала она. – Коль, скажи, отчего Федор, муж тети Фаи, умер?

– Не буду говорить, – сердито отозвался тот, – и так все знают.

– Нет, скажи: вон Андрюха мне не верит.

– Чему не верит-то? Что ведьма его извела? Так про то все знают.

Он отвернулся и, не желая продолжать разговор, направился к Витьке с Сенькой и Мишкой.

– Вот, понял! Муж тети Фаи был рыбак, и как-то у него корова сдохла. Он к ведьминому дому пошел и пригрозил, что если у него и теленок помрет, то он ее дом подожжет. На другой день смотрит – теленок мертвый лежит, а на губах у него пена кровавая. Ну, он все понял и пошел к колдунье ночью. Дом со всех сторон облил бензином и поджег!

Женька замолчала.

– Ну, и чего дальше было? – быстро спросил Андрей.

– А дальше пожар потух, только никто не знает как. Федор клялся, что, когда уходил, огонь везде был, а на следующее утро даже следа не осталось. И изба стоит – целая и невредимая! Вот. Вечером он, как обычно, на рыбалку пошел, а нашли его тереньковские только через два дня. Плавал он по озеру, весь в водорослях, и рыбы у него глаза выели.

– Брр! – передернулся Андрей.

– И самое-то страшное, – Женька понизила голос, – что у него на груди знаешь что было?

– Что?

– Дом Антонинин!

– Как так?

– А вот так. Рисунок был на груди: дом ведьмин, а вокруг огонь горит. И не стирался ничем! Так ведьма ему метку поставила и всем остальным в науку, чтобы знали: тронут ее – умрут. Мне дедушка рассказывал, он труп видел.

Она замолчала.

– Эй вы, там! – раздался голос Кольки. – Давайте сюда, у Витьки идея хорошая!

– Не хорошая, а гениальная.

– Что за идея? – спросил Андрей, подходя.

– Пошли бабку Степаниду пугать! – предложил Сашка. – Наберем старых простыней, закутаемся в них и завтра ночью по огороду пошастаем. Мне мамка говорила, Степанида жуть как привидений боится.

– Не просто так закутаемся, – поправил его Витька. – Основной смысл моей гениальной идеи в том, чтобы на простынях глаза и рот нарисовать.

– Чем?

– Пластином светящимся, мне отец его недавно привез. Он в темноте виден очень хорошо, потому что фосфоресцирующий.

– А не умрет она со страху? – засомневался Андрей.

– Степанида? Так мы же не будем у нее на горле руки сжимать, а просто издали покажемся, и все. А можно еще в окно постучать.

– Не надо в окно, – попросила Юлька. – В окно страшно.

– Ладно, в окно не будем. Ну как, все пойдут?

– Все! – почти хором отозвались мальчишки. Женька молча кивнула.

– Тогда нужно восемь простыней достать и пластином обмазать. Пойдем ко мне, пластилин возьмем, а потом у тебя, Андрюх, разрисуем. Операция по устрашению называется, – Витька сделал торжественную паузу, – «Собака Баскервиль»!

Дружно начали обсуждать, кто сможет стащить простыни, и про вторую фотографию как-то забылось.

Глава 6

Прошло достаточно времени. Мне не хочется ждать так долго, но это необходимо. Чем дольше ждешь, тем больше вываривается ненависть, и остается ее сгусток. Если бы ненависть могла убивать, то этот сгусток уничтожил бы тебя в долю секунды, растер в пыль, в жалкую кучку серой пыли... Но мне нужно не это.

Ты не чувствуешь? Ты все еще не чувствуешь меня рядом с собой? Иногда у тебя довольное лицо, иногда озабоченное, но я никогда не вижу на нем того выражения, которое мне так нужно увидеть.

Я не вижу страха.

Подожди, подожди, еще немного, совсем скоро... Пожалуй, уже можно знакомиться, как ты считаешь? Вот тогда, вот тогда я наконец увижу твой страх, и услышу его, и почувствую, как зверь чувствует запах крови, и приду на этот запах, и разорву тебя.

Ты не ждешь меня?

Два месяца спустя Тоня, Виктор и жена Аркадия Леонидовича сидели в зале почтальонова дома и слушали очередную байку самого «практикующего хирурга», как любил называть себя Аркадий. Лидия Семеновна принесла большую круглую самодельную пиццу, и Тоня с Виктором с удовольствием откусывали сочное тесто, щедро посыпанное ветчиной, помидорами и сыром.

– Так вот, милые мои, – разносился по комнате такой же сочный голос Аркадия Леонидовича, – а я ему на это говорю: и до каких же пор вы будете ко мне приходить и нос свой несчастный переделявать? Каждый раз, как у вас будет новый, я извиняюсь, кумир появляться? Сейчас, говорю, вы хотите, как у Ларисы Долиной. Тогда уточните, как у Долиной до пластической операции или после? Если до, то у вас такой вариант уже был, и я решительно отказываюсь его восстанавливать!

Лидия Семеновна, покачивая головой, снисходительно смотрела на мужа. За прошедшее время Тоня успела хорошо ее узнать (Виктор хотел, чтобы Тоня общалась с ней больше, но сама Тоня не была готова ни к дружбе, ни даже к чему-то большему, чем простое, дружелюбное соседство).

Много лет назад супруга хирурга работала бухгалтером на каком-то предприятии, но как только Аркадий Леонидович начал зарабатывать достаточно, чтобы они могли жить на его доходы, оставила свой невыносимо скучный кабинет и ненавистную работу и начала, как она сама, смеясь, признавалась Виктору и Тоне, предаваться безделью. Лидия Семеновна следила за собой, ходила в бассейн и в сауну, выучилась водить машину и иногда подвозила Тоню в город на своем ярко-синем «Опеле». Несмотря на все бассейны и сауны, Лидия Семеновна была полновата и «для моциону», как она объясняла, завела себе трех японских хинов, потомство от которых регулярно продавала, а самих собачонок скрещивала между собой и получала новых потенциальных чемпионов. Собаčky выставки и экстерьер ее любимцев занимали ведущее место в разговорах Лидии Семеновны, и как-то раз она даже вытащила Тоню на выставку, в которой принимал участие Веллингтон (среди своих – Велька), самый старший и флегматичный из всех ее песиков. На выставке Тоня пыталась посмотреть всех собак, но Лидия Семеновна решительно уволокла ее за собой в уголок, где они добрый час приводили Вельку в порядок. Песик абсолютно безмятежно стоял на столике, пока хозяйка производила с ним разнообразные манипуляции, и только время от времени устремлял на Тоню огромные черные глаза навывкате. Такие глаза были у Тониной любимой игрушки, Чебурашки.

– Тонь, – не раз говорил Виктор, – давай мы тебе одного пучеглазого попросим у Аркадия?

– Да ну тебя, – отмахивалась она, – мне еще всяких уродцев в доме не хватает!

– Зато какие у него манеры, а? Черт возьми, ведь пылесосом засосать можно, и не заметишь, а держится, как лорд.

На той выставке Велька доказал свои блестящие качества чемпиона, и время от времени Лидия Семеновна сажала его в машину и отвозила «развезаться», как деликатно называла это она сама; «на случку», как говорил, не церемонясь, Аркадий Леонидович; «по бабам», как раз и навсегда обозначил действо Виктор. «От баб» Велька возвращался уставший, и Лидия Семеновна в подробностях рассказывала о темпераменте и статях очередной партнерши, а также о своих ожиданиях от столь многообещающего союза.

Несмотря на то что соседка, крупная, разговорчивая женщина, в общем-то утомляла их обоих, Виктор и Тоня любили приглашать ее с супругом в гости. Дом тогда наполнялся голосами, громким смехом и на время прекращал что-то нашептывать, начинал прислушиваться к новым людям. Несколько раз заходили и Сашка с Колькой, но подолгу не засиживались: они предпочитали приглашать Тоню с Виктором к себе. Виктор не особенно любил посиделки, устраивавшиеся тетей Шурой, и как-то раз назвал их при Тоне абсолютно бесполезным общением.

– Я не понимаю, – удивилась она, – вы же так дружили в детстве, что значит «бесполезное»?

– Да мало ли кто с кем дружил в детстве! Пойми, Тоня, та дружба не повод, чтобы сокращать дистанцию, когда бывшие мальчики и девочки встречаются взрослыми людьми. Ну как тебе еще объяснить... – вздохнул он, увидев ее непонимающий взгляд. – Тонь, давай честно: тебе разговаривать с Николаем и Сашкой нравится?

– Да, наверное, только они немного скучноватые.

– Вот именно: скучноватые! А мне так просто неинтересно выслушивать эти истории про Сашкину работу или мнение их обоих о политике, потому что они в ней абсолютно не разбираются. Книг не читают, фильмов, кроме голливудских боевиков, не смотрят, общих тем для обсуждения у нас не так уж и много, поэтому мне просто жалко тратить свое время на совершенно непродуктивное общение. Понимаешь?

– Витя, а со мной у тебя продуктивное общение? – тихо спросила Тоня.

– Да при чем тут ты? Продуктивное, не переживай. И есть еще кое-что. Допустим, мне и Аркадий время от времени надоедает, но с ним мы – люди одного уровня.

– А с Сашкой и Колей?

– А с Сашей и Колей – разного, потому что оба они, к сожалению, неудачники.

– Да с чего ты взял? Господи, вот ведь глупости какие!

– Нет, так оно и есть на самом деле. Посмотри сама: чего оба добились в жизни к тридцати с лишним годам? Колька – шофер, семьи нет, детей нет, зарабатывает очень и очень так себе. Весь досуг – телик посмотреть после смены или в баню завалиться с приятелями. А так – к матери, на огороде вкалывать.

– А Саша?

– И Сашка такой же. Ну что за работа: замки в двери врезать? Ни денег, ни славы, как говорится. И ты пойми, Тонь, ведь если что у них случится, то к кому в первую очередь тот же Сашка побежит деньги занимать? К нам, потому что больше не у кого. Вот машина ему понадобилась, свадьбу у кого-то там сыграть, так он меня просил. А мне будто больше делать нечего, как каких-то идиотов развозить по городу! Если нет у тебя денег на нормальную свадьбу, значит, умерь свои аппетиты, вот и все.

– Мне кажется, ты Сашку обидел тогда, – сказала Тоня, вспомнив разговор, о котором говорил Виктор.

– Господи, Тонь, да я того и добивался, чтобы он понял раз и навсегда: не надо ко мне с идиотскими просьбами приставать, потому что я достаточно занятой человек. С Сашкой сама

знаешь как: один раз поможешь, в другой уже не отвяжешься, он на шею сядет. Вот я и пресек с первого раза.

Виктор был прав, Тоня не могла не признать. Оценив благосостояние старого приятеля, Сашка попытался всю это использовать, но делал это так открыто, так спокойно, с чувством полной уверенности, что тот, кто зарабатывает больше, должен помогать тому, кто зарабатывает меньше, что Тоня совершенно не могла на него сердиться. Несколько раз он брал у Виктора какие-то дорогие инструменты и возвращал в таком состоянии, что Виктор только матерился, а один раз спалил «бошевскую» дрель, подаренную Виктору еще отцом. Извинился, конечно, но было видно, что всерьез он ярость Виктора не воспринимает: мол, подумаешь, купишь еще одну, о чем говорить-то? Такая невинность выводила Виктора из себя, и если б не Тоня, он давно высказал бы Сашке все, что о нем думает.

А ей нравилось бывать в гостях у тети Шуры. Жили они от зарплаты к зарплате, летом их кормил большой огород, на котором тетя Шура и Юлька работали с утра до ночи, но зато в доме всегда было чисто и очень уютно. Все покрывала, занавески, чехлы и абажуры Шура с дочерью шили сами, вязали какие-то коврики, когда было время, из лоскуточков делали покрывала, а старенький плед, сшитый из обрезков старой одежды Вальки и Васки, Тоню приводил в восторг.

Сентябрь выдался очень солнечным и теплым, и Тоня с Виктором по выходным, съездив в город за всем необходимым, наслаждались прогулками по лесу. Иногда они собирали грибы, иногда просто гуляли, и Тоня с удивлением вспоминала то время, когда ей не хотелось переезжать в Калиново и она сердилась на Виктора за его настойчивое стремление сделать все так, как ему хочется. Но теперь понимала, что он был прав. Один раз муж сводил ее на маленькую речку с каким-то забавным названием. Дорога заняла больше часа, но Тоня наготовила с собой бутербродов, взяла термос с кофе, и они долго сидели на берегу звенящей речушки, рассматривая высоченные сосны на противоположной стороне. Виктор рассказывал, как они подростками ловили здесь раков, и так артистично изображал лицо Кольки, которому в ногу вцепился большущий рак, что она с удовольствием смеялась. Позже Тоня вспоминала тот безмятежный, прозрачный осенний день с тоской, потому что больше таких уже не было.

А потом начался октябрь, и настроение у Тони резко изменилось. Зарядили дожди, и выходить на улицу можно было только в сапогах или в калошах. Она все еще варила варенье из яблок, но как-то без былого воодушевления, просто чтобы было чем заняться. Виктор подолгу задерживался на работе, и Тоня темными вечерами усаживалась перед телевизором, смотря все подряд, от новостей до сериалов, пытаясь одновременно вязать крючком, но ей было неуютно. За окном темные деревья роняли листья, и если утро выдавалось хмурым, то их корявые стволы производили на нее гнетущее впечатление. А последнее время почти все дни были пасмурными, и настроение у нее оставалось подавленным.

Никогда раньше осенняя погода столь сильно не влияла на нее: Тоня всегда подсмеивалась над теми, кто зависел от капризов природы и хандрил при дожде. А теперь, едва только капли начинали барабанить по крыше, на нее наваливалась такая невероятная усталость, что ей хотелось завернуться в плед и лежать до тех пор, пока дождь не кончится. В конце концов Тоня купила настойку пустырника и несколько новых книжек Акунина.

Однажды вечером, сидя за книжкой, она услышала стук. «Опять, наверное, Лидия Семеновна хочет своими пучеглазыми похвастаться», – решила Тоня. Но на крыльце, только недавно приведенном Виктором в порядок, стояла высокая сухопарая женщина с седыми волосами, забранными в тугой пучок, и без улыбки смотрела на нее.

– Добрый день, – растерянно поздоровалась Тоня.

– Добрый вечер, – поправила женщина. – Меня зовут Ольга Сергеевна, я ваша соседка из дома напротив.

И махнула рукой куда-то в сторону. Но Тоня, вспомнив рассказы тети-Шуриного семейства, поняла, о чем она говорит: неожиданная гостья – мать того самого предпринимателя, который для нее громадный дом отгрохал.

– Проходите, пожалуйста, – пригласила Тоня. – Я сейчас чайник поставлю.

– Спасибо, не стоит. Я к вам, собственно, по делу.

Гостья оглядела комнату, в которую ее провела Тоня.

– Как вас, девушка, зовут?

– Тоня.

– Тоня, я хочу сразу перейти к цели моего визита, чтобы не тратить зря ни мое, ни ваше время.

Тоня, недоумевая, смотрела на Ольгу Сергеевну во все глаза.

– Я прошу вас принять меры к тому, чтобы ваши дети больше не появлялись на моем участке. Если вы этого не сделаете, то последствия окажутся для вас весьма неприятными: я вынуждена буду обратиться к участковому. Мне не нравится подобное нахальство, и хотя я допускаю, что вы не в курсе...

– Постойте, постойте! – перебила ее нахмурившаяся Тоня. – Какие дети? Какой участок?

Гостья помолчала секунду, затем продолжила ровным голосом:

– Я, кажется, вполне доступно объяснила: ваши дети все каникулы бегают по моему участку. Если вы предпочитаете притворяться и не понимать, о чем идет речь, что ж, дело ваше, но о последствиях вы предупреждены.

Женщина смотрела слегка высокомерно, и Тоня неожиданно для себя рассердилась.

– Знаете что, Ольга Сергеевна, о последствиях вы можете повторить еще хоть десять раз и обойти всех участковых на свете, но никаких детей у меня нет! Поэтому я понятия не имею, кого вы там ловите на своем участке. Ловите и дальше, но ко мне ваши проблемы не имеют никакого отношения.

– У вас нет детей? – удивленно переспросила женщина.

– Я вам, кажется, тоже вполне доступно объяснила! – От злости в Тоне проснулась агрессивность. – Детей у меня нет, поэтому вы обратились не по адресу.

– Но я видела этих детей у вас в саду. Двое, светловолосые, мальчик и девочка.

«Васька с Валькой нахулиганили!» – дошло до Тони.

– Ольга Сергеевна, я не запрещаю детям бегать у меня по саду. Если нравится – пускай, лишь бы деревья не ломали. Но они не мои дети, я вам в третий раз повторяю.

– Ну что ж, – пожала плечами женщина, – в таком случае прошу прощения за беспокойство. Всего доброго.

Седая голова на высокой длинной шее чуть наклонилась, и неприятная визитерша пошла к калитке. Тоня смотрела в ее прямую спину и чувствовала, что удовольствие от Акунина испорчено.

Ольга Сергеевна шла домой в задумчивости. Странно, корова-то волоокая оказалась с зубами... Ишь, как огрызнулась! А с виду тихоня тихоней. Что ж, осталось еще посмотреть на ее супруга, хотя от него вряд ли стоит ожидать чего-либо из ряда вон выходящего. Ольга Сергеевна видела его несколько раз издали и примерный психологический портрет нового соседа уже составила. Надо будет попросить кого-нибудь из внуков, когда приедут на выходные, разговориться с ним и пустить пару пробных вопросов, чтобы оценить реакцию субъекта. Лизка, пожалуй, не подойдет, глуповата, а вот Данила в самый раз. Ольга Сергеевна подошла к своему дому, оглянулась на почтальонов сад и усмехнулась. А Шуриных детей она приструнит, чтобы не лазили, поганцы, где не надо. Надо сказать сыну, чтобы привез Найду из городской квартиры. Пусть поживет месяц на свежем воздухе, а заодно отучит разных прохвостов шлаться по чужим участкам.

На следующий день Тоня рассказала мужу о визите неприятной соседки, но тот только отмахнулся: слишком много на него навалилось серьезных дел, чтобы еще обращать внимание на какую-то ерунду.

– Я же тебе говорил, – напомнил он Тоне, – что нечего Юлькиных отпрысков подкармливать. В следующий раз, когда они что-нибудь стащат, не говори, что я тебя не предупреждал!

– Да у нас в саду и тащить-то нечего! Разве что только сетку– рабицу, так она все равно дырявая.

– Да, кстати, о сетке, – хлопнул себя по лбу Виктор. – Слушай, я договорился: нам скоро забор будут чинить, по всему периметру. Имей в виду.

– Опять твои таджики или кто еще, какие-нибудь гастарбайтеры?

Тоня, не любившая рабочих, трудившихся на Викторových стройках, нахмурилась. Как-то раз, еще на съемной квартире, Виктор привез троих мужиков обустроить балкон и утеплить дверь, и Тоне пришлось на протяжении трех часов слушать гортанную, совершенно непонятную речь, ловить на себе странные взгляды, а главное... В последнем ей было как-то стыдно, неловко признаваться, и она ничего не сказала Виктору, но главным был специфический, несильный, но очень неприятный для нее запах, который исходил от всех троих. Тоня старалась не морщить нос, проходя мимо, но у нее не очень получалось. Она ушла в другую комнату, но строители время от времени приходили уточнять, что и как нужно делать – будто Виктор им всего не объяснил! – мешая ей сосредоточиться на заказе, которым она занималась. И даже спустя несколько дней, когда она дошивала красивое платье на выпускной бал для дочери одной из знакомых, ей казалось, что от нежного, голубоватого с отливом атласа пахнет потом.

– Сама ты таджичка! – прервал Тонины воспоминания голос мужа.

Виктор подошел, наклонился и поцеловал ее в плечо.

– Я договорился с охотником, с тем Женькой, который у Степаниды живет. Он или на этой неделе начнет, или на следующей – в зависимости от того, как я с материалами решу. Так что можешь не морщить нос, наших мужиков я для такой ерунды срывать со стройки не буду.

Тоня повеселела, потом задумалась:

– Вить, а он один справится?

– Ну, не справится, так позовет еще кого-нибудь из деревенских на подмогу. Ты только следи за тем, чтобы он козла старого, Графку, не притащил. Помнишь?

Еще бы не помнить! Евграфа Владиленовича Тоня запомнила очень хорошо. И она скорее сама бы стала ставить забор, чем согласилась, чтобы по ее саду ходил этот отвратительный алкоголик.

– Ну все, Тонь, я поехал!

Тоня вышла за ограду и оглядела деревню. День обещал быть хорошим. «Вот бы на выходные была такая погода... – подумала с надеждой Тоня. – Можно было бы в зоопарк съездить или по Москве погулять. Уговорить Виктора и съездить». Но она сама понимала, что ее мечта совершенно невыполнима: на каждые выходные у них накапливалось множество дел. Взять хоть такую тривиальную вещь, как туалет! В почтальоновом доме он был хорошим, то есть по деревенским меркам даже очень хорошим: утепленным, в сарае, куда можно пройти, не выходя из дома.

Но Тоня на третий же день проживания здесь объявила, что «заведение» в таком виде ее не устраивает. Дело было не только в старом сиденье, или в ободранных стенах, или просто в том, что для человека, привыкшего пользоваться унитазом в городской квартире, оказаться в деревенском сортире не слишком-то радостно. Дело было в другом: Тоня испытывала страх. Когда ночью она выходила в коридор, включала тусклую лампочку и шла в сарай, а там включала другую и наконец оказывалась в маленькой кабинке, она откровенно боялась. Дом нави-

сал над ней, грязный сарай скрипел всеми своими частями, а в темных углах то и дело раздавалось непонятное шуршание. В конце концов однажды во время Тониной ночной вылазки из кучи обрезков в углу сарая выскочила с мяуканьем облезлая кошка, напугав до полусмерти. После этого Тоня заставила Виктора отложить другие дела и заняться приведением в порядок сарая и туалета. С сараем, конечно, задача была совершенно неисполнимая, но хотя бы яркий свет Виктор туда провел и расчистил все завалы по углам.

– Тонь, – качал он головой, – вот твои деда и бабки, извини меня за прямолинейность, на ведро ходили, а тебе вполне нормальный сортир не подходит! Да несчастная кошка, наверное, половину шерсти от страха потеряла, когда ты завизжала. Странно, как к нам соседи не появились!

– Знаешь, Вить, – парировала Тоня, – твой дед на велосипеде ездил всю жизнь и «Волгу» считал несбыточной мечтой, а ты «Ауди» хочешь на «Тойоту» поменять, потому что тебе посадка не хороша. Вот считай, что и мне посадка не подходит, ладно?

Виктор только головой покачал, исподтишка поглядывая на жену с некоторым удивлением. Откуда что берется, а? Раньше, скажи он ей про деда с бабкой, залилась бы краской и быстренько на кухню бы побежала – блины печь и успокаиваться, а теперь не только глазом не моргнет, но еще и парировать научилась. С одной стороны, это, конечно, радует, но с другой – заставляет задуматься: с чего бы такие метаморфозы? Дом, что ли, на нее действует?

Через неделю охотник Женька приступил к ремонту забора. Как и опасалась Тоня, одному ему справляться было тяжело, он позвал на помощь маленького мужичка, назвавшегося Петром Иванычем, и вдвоем они уже третий день вымеряли ограду и устанавливали тяжелые столбы, привезенные Виктором взамен подгнивших. Работали по нескольку часов, потому что в остальное время Женька, взяв ружье, уходил в лес. Что он приносил, Тоня не знала, но к охоте Женька относился трепетно и не мог обойтись без нее ни дня, говоря с важным видом:

– Я человек лесной: не подышу лесным воздухом день, и все, значит, прожил его зря!

– А как же вы в городе-то обходитесь? – улыбалась Тоня.

– А в городе у меня все дни проходят зря, – совершенно серьезно отвечал, пощипывая реденькую бородавку, Женька. – Так, приработок, а смысла в моей деятельности и нет никакого. Смысл – вот он, тут!

И Женька широким жестом обводил рукой вокруг себя. Виктор откровенно подсмеивался над ним и прозвал «наш философ», но Тоне охотник как-то раз оказал большую услугу.

В начале ноября, когда забор был уже почти закончен, Тоня за какой-то надобностью вышла в сад и, бросив случайный взгляд на соседний участок, остановилась. Под старой яблоней, той самой, с которой она пыталась набрать райских яблок на варенье, лежало что-то темное, большое, похожее на свернувшуюся собаку. Тоня подошла поближе и разглядела на земле, среди мокрой пожухлой травы, старую куртку, всю рваную, с вылезающим из дыр белым синтепоном.

– Странно, – вслух сказала она.

Кому понадобилось бросать мусор на соседском участке? Поразмыслив, она решила, что на выходные Колька опять привозил Юльку с ребятишками, они, наверное, и притащили куртку. Тоня пожала плечами и вернулась в дом, но что-то в этой версии ей не понравилось.

– Тетя Шура! – крикнула она вечером через ограду.

– Что, Тонь?

– К вам Юлька приезжала в выходные? Я что-то их не видела.

– Нет, Тонь, не приезжала. У нее ребятишки болеют, оба, вот она с ними и сидит. Погода-то какая пакостная стоит, а? Что делается, что делается....

Тетя Шура еще что-то ворчала, но Тоня не слушала. Она медленно обошла сад и подошла к забору.

Куртки не было.

С одной стороны, ерунда: мало ли кто зашел на участок, подумаешь? В конце концов, могли приехать сами хозяева. Тоня внимательно посмотрела на окна, но дом по-прежнему выглядел совершенно нежилым. С другой стороны, у нее было странное ощущение, словно что-то здесь не так... Кому понадобилось оставлять какую-то ветошь, а потом ее уносить?

Тоня еще раз оглядела голые стволы деревьев на соседнем участке, а потом приняла решение. Быстро подойдя к задней части забора, еще не переделанной работягой Женькой, она пролезла в дырку и осторожно пошла среди деревьев, вертя головой во все стороны. Никого. Она уже собиралась возвращаться, когда какой-то слабый звук привлек ее внимание. Он доносился с другой стороны пустого дома, от крыльца. Кто-то не то шуршал, не то скребся...

Ускорив шаг, Тоня завернула за угол дома и остановилась в недоумении. На земле, разложив под собой ту самую куртку, сидел Евграф Владиленович, весь обросший черной щетиной, в серой грязной телогрейке, и распиливал небольшой ножовкой задвижку на дверце в стенке крыльца. Секунду Тоня в недоумении смотрела на него, не понимая, зачем он это делает. У них самих в крыльце была точно такая же небольшая дверца, за которой хранился всякий мусор, который мог когда-нибудь пригодиться, – куски шифера, старый рубероид, доски... Она прекрасно знала, что в деревенских хозяйствах любому закрытому пространству находится применение, и позволить пропадать двум квадратным метрам под крыльцом просто глупо. Но что понадобилось в соседском закутке Графке?

Задать вопрос она не успела. Старик резко обернулся к ней, глаза его расширились, и, выматерившись, он вскочил со своей импровизированной подстилки.

– Вы что здесь делаете? – стараясь, чтобы голос звучал строго, громко спросила Тоня.

– А ну пошла отсюда, коза драния! – Хриплый голос алкаша был полон ненависти. – Для муженька своего шпионишь? – Старик присовокупил к сказанному несколько слов, от которых Тоня покраснела.

– Сам пошел вон отсюда, – решительно сказала она. – Еще раз тебя тут увижу, скажу участковому, понял? Давай, давай, забирай свое тряпье и проваливай!

Старик дрожащей рукой направил на нее ножовку. Лицо его исказилось, он зашипел так, что слюна полетела в разные стороны:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.